Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ НАУК И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ

КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

Направление подготовки 47. 04. 03 – Религиоведение

Профиль «Юридическое религиоведение»

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Магистрант
Группа 13.1-612
«25» мая 2018г. Е. Н. Шестаков

Научный руководитель
д. ф. н., доцент
«25» мая 2018 г. Л. С. Астахова

Заведующий кафедрой
д. ф. н., доцент
«25» мая 2018 г. Л. С. Астахова

Казань – 2018

Содержание

Введение..…….…….…..…….3

Глава I. **История законодательного регулирования миссионерской деятельности**…….……...…11

§ 1.1 Законодательное регулирование миссионерской деятельности в Российской империи….……11

§ 1.2 Законодательное регулирование миссионерской деятельности в Советский период ……..…..19

§ 1.3. Законодательное регулирование миссионерской деятельности в Российской Федерации……...……..23

Глава II. **Современное состояние законодательства о миссионерской деятельности** ……...……...……..29

§ 2.1 Переход от полной свободы к контролю ……...……...29

§ 2.2 Лакуны в законе о миссионерской деятельности ..……...31

§ 2.3 Проекты корректировки законодательства миссионерской деятельности..…….…...38

Глава III. **Правоприменительная практика как показатель перехода к новой парадигме государственно-конфессиональных отношений** …….40

§ 3.1 Правоприменительная практика на примере взаимоотношений с несудебными органами ……..……..40

§ 3.2 Судебная практика применения законодательства о миссионерской деятельности …….……..….....44

§ 3.3 Позиция религиозных объединений в отношении закона о миссионерстве …….……..65

Заключение…….,..……...….69

Список литературы……..……..77

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

Конец XX - начало XXI века ознаменовался радикальной ломкой мировоззренческой системы. Все это не могло не затронуть сферу государственно-конфессиональных отношений. Общественно-политические изменения, происшедшие в Российской Федерации за десятилетия, оказали самое серьезное влияние на религиозную жизнь в стране, изменив правовое положение религиозных объединений и существенно расширив религиозные свободы граждан. Начало этим изменениям было положено законом "О свободе вероисповеданий" (1990 г.) и закреплено в ныне действующем Федеральном законе "О свободе совести и о религиозных объединениях"[1] (далее ФЗ № 125).

Одной из наиболее значимых религиозных свобод является свободное исповедание своих религиозных убеждений с целью распространения религии как в целом, так и конкретных религиозных сообществ. Именно такая деятельность получила название миссионерской. Исследование правоприменительной регламентации данного вида деятельности религиозных объединений является актуальным в связи тем, что в середине 2016 года были приняты изменения в Федеральном законодательстве[2] на основании которых в ФЗ №125 была введена новая статья, не только дающая легальное толкование понятия миссионерской деятельности, но и устанавливающее правовое регулирование данного вида деятельности. Кроме того, поправками в Административный Кодекс[3] (ч. 3, 4, 5 ст.5.26) установлена административная ответственность за осуществление

---

[1]Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях» от 29.09.1997г. № 125-ФЗ (ред. от 01.07.2011г.) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 №374-ФЗ // СЗ РФ. 2016. №28. Ст.4558

[3] "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.04.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 14.05.2018) // СЗ РФ. 2002. № 1, ч.10. Ст. 1.

миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства. Необходимо учесть, что в целом, в настоящее время положения о миссионерской деятельности содержатся в различных нормативных правовых актах, и указанные положения, имея сравнительно недавнюю историю, по-разному трактуются в научной литературе и правоприменительной практике. Особые расхождения вызывают вопросы законодательного регулирования миссионерской деятельности, что отражается на правоприменительной практике.

В связи с этим большую значимость приобретает исследование действующей нормативно-правовой основы миссионерской деятельности и складывающейся правоприменительной практики в целях обеспечения их дальнейшего развития, корректировки и совершенствования положений закона, регулирующего миссионерскую деятельность.

Кроме того, необходимость дальнейшего развития и совершенствования данного раздела законодательства и его правоприменительной практики обусловлено возрастающим влиянием религии на современное российское общество, о чем свидетельствует резкое увеличение числа религиозных объединений. Согласно данным Министерства Юстиции Российской Федерации, за последние 20 лет число религиозных объединений составило на 1 января 2013 г. 25 541 организаций, а это 11,6% от общей численности некоммерческих организаций[4].

В связи с вышеизложенным, мы приходим к выводу, что изменилась сама парадигма федерального законодательства в области свободы совести и свободы религиозных объединений, в том числе и в области миссионерской деятельности. Данные изменения законодательства и правоприменительной практики в силу малоизученности и противоречивости законодательных формулировок требуют всестороннего изучения.

---

[4]Доклад "Об осуществлении Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) в сфере деятельности некоммерческих организаций и об эффективности такого контроля (надзора)" 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minjust.ru/ru/node/4851 (дата обращения 15.02.18)

Данная тема еще недостаточно изучена и апробирована, что вызывает коллизии не только в законодательстве, но и в правоприменительной практике. Поэтому постановка темы, ее актуальность, степень репрезентативности в нормативных актах, судебной практике и литературе позволяют сформулировать цель и задачи научно-исследовательской работы.

Целью научно-исследовательской работы является комплексный анализ Правоприменительной практики законодательства о миссионерской деятельности.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Исследовать сущность и особенности в цели правоприменительной практики законодательства о миссионерской деятельности;
2. Представить историю и современное состояние законодательного регулирования миссионерской деятельности в России;
3. Собрать и обработать имеющиеся статистические сведения относительно судебных решений по п. 3—5 ст. 5.26 КоАП РФ;
4. Определить модель принятия решений судами разных инстанций;
5. Выделить закономерности в применении норм закона, касающиеся миссионерской деятельности — шаблонность в решениях, и глубина исследования обстоятельств дела, необходимых для принятия взвешенного решения;
6. Определить конфессиональный состав правонарушений;
7. Выявить наличие (либо отсутствие) связи между активностью религиозных объединений различных конфессий и частотой привлечения к административной ответственности;
8. Проанализировать правоприменительную практику законодательства о миссионерской деятельности как часть перехода к новой парадигме государственно-конфессиональных отношений в России;
9. Изучить иные особенности правоприменительной практики законодательства о миссионерской деятельности.

Объектом исследования настоящей магистерской диссертации является законотворческая и правоприменительная деятельность по обеспечению свободы совести и функционирования религиозных объединений в Российской Федерации (в дальнейшем РФ).

Предметом изучения являются нормативно-правовые акты, регулирующие миссионерскую деятельность религиозных объединений, и практика их применения (в том числе судебная) в России.

Анализ предмета исследования построен на всестороннем изучении и сопоставлении норм Конституции РФ[5], Гражданского кодекса РФ[6] и ФЗ №125, норм Уголовного и Административного Кодексов, решения Судов и Исполнительных органов власти, касающихся правоприменительной практики законодательства о миссионерской деятельности.

Методология исследования основана на использовании как общенаучных, так и частнонаучных методов с учетом существующих методологических подходов в религиоведении, юриспруденции и в смежных дисциплинах. При подготовке данной работы были применены следующие методы: исторический, логический, грамматический, наблюдение, метод экспертных оценок, сравнительно-правовой, формально - юридический и т.д. Были использованы и следующие методологические направления в исследовании религиозных и правовых феноменов в настоящее время: феноменологическое, когнитивистское, и мультипарадигмальный подход.

Теоретическая основа исследования.

Теоретической основой исследования являются научные труды зарубежных ученых-правоведов и религиоведов таких как Брижит Бадеван-Годмэ, Торе Линдхольма, Герхарда Робертса, Рональда Миннерата, а также труды отечественных ученых и практиков как в области общей теории права,

---

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

[6] Гражданский кодекс РФ ч.1 от 30.11.1994г. №51-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // СЗ РФ 1994. №32. Ст.3301

таких, как С. С. Алексеева, Е. Ю. Валявиной, А. А. Дорской, В.А. Кикоть, Ю.Г. Лесковой, В.П. Павлова, М.В. Павлова, В.А. Тархова, В.А. Рыбакова, А. Я. Рыженковой, Т. В. Сойфер, В.Н. Соловьева, Е.А. Суханова, Е. А. Черноморца, А. Ю. Якимовой, так и отраслевых юридических наук, особенно в части законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях И. В. Загребиной, Ф. М. Кулиева, А. Я. Рыженковой, А. Е. Себенцова, А. В. Стадникова, А. К. Погасий, И. В. Понкина, А.В. Пчелинцева, М. О. Шахова, М. В. Хлыстова, а также и российских религиоведов Л. С. Астаховой, М. П. Мчедлова Е. С. Элбакян, И. Н. Яблокова, которые внесли значительный вклад для определения понятия «свободы совести» и границ ее применения.

Эмпирическую основу исследования составили нормативно-правовые акты Российской империи, РСФСР, СССР, Российской Федерации, некоторых зарубежных стран, а также правоприменительная и судебная практика в сфере регулирования миссионерской деятельности религиозных объединений. При анализе выбранной темы использовались и некоторые статистические данные о деятельности государственных органов, в том числе и Министерства юстиции Российской Федерации, связанные с темой настоящего исследования.

В процессе работы над научно-исследовательской работой выделены следующие группы источников:

1. Нормативно-правовая база законодательства о миссионерской деятельности, включающие в себя законодательство о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях.

Данная группа является надежным источником исследования и заслуживает полного доверия.

2. Правоприменительная практика, решения судов и административных органов на основе норм законодательства Российской Федерации.

3. Архивы религиозных организаций, включающие в себя переписку религиозных объединений с органами власти и местного самоуправления.

4. Статьи и публикации в средствах массовой информации по вопросам правового положения религиозных объединений, хотя и являются непрофессиональным взглядом на вышеуказанную проблематику, тем не менее, отражают субъективное отношение авторов к особенностям правового положения религиозных объединений.

Обоснование выборки источников работы.

Для решения задач первой главы использовались нормативно-правовые акты, регламентирующие правовое положение и особенности деятельности религиозных объединений, в том числе и регулирующие миссионерскую деятельность в Российской империи, в Советский период и в современный период, статьи и публикации исследователей государственно-конфессиональных отношений. Данные источники содержат как сами законодательные нормы, их толкование, а также показывают складывавшуюся правоприменительную практику. Являются достаточными, чтобы сделать вывод о исследуемом вопросе.

Для решения задач второй главы использовались нормативно-правовые акты, в частности: Конституция РФ, Федеральный Закон "О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016г. №374-ФЗ (в дальнейшем ФЗ № 374), Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 29.09.1997г., Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001г. №195-ФЗ - как основные документы, регламентирующие миссионерскую деятельность. Кроме того, рассматривались статьи и публикации по данной тематике в том числе включающие в себя планы корректировки действующего законодательства. Был использован ряд проектов корректировки законодательства о миссионерской деятельности. Данные источники содержат законодательные нормы и правоприменительную практику,

показывающие переход от полной религиозной свободы к контролю, позволяют оценить пробельность данного законодательства и наметить предложения по их корректировке. Исследованные источники являются достаточными, чтобы сделать вывод о современном состоянии законодательства о миссионерской деятельности.

Для решения задач третьей главы использовались нормативно-правовые акты Конституция РФ, Гражданский Кодекс РФ, Кодекс об Административных правонарушениях в РФ, Федеральный закон №374-ФЗ и №125-ФЗ, официальные ответы государственных органов, статьи и публикации по данной тематике. В качестве исследования правоприменительной практики законодательства о миссионерской деятельности, был проведен анализ судебной практики по п. 3—5 ст. 5.26 КоАП РФ содержавшейся в 218 решениях и постановлениях мировых судей, судов общей юрисдикции, областных судов, а также Верховного Суда и Конституционного Российской Федерации (в том числе расположенная в телекоммуникационной сети «Интернет» по адресам: https://rospravosudie.com (портал РосПравосудие) и http://sudact.ru/regular (проект "Судебные и нормативные акты Российской Федерации"). Этот период был выбран в связи с тем, что с июля 2016 года в Российской Федерации изменилось законодательство, регулирующее порядок осуществления миссионерской деятельности. Для решения задач параграфа 3.3. третьей главы, отражающей точку зрения религиозного сообщества, привлекались неформальные интервью, 5 записей правовых семинаров, связанных с правоприменительной практикой законодательства о миссионерской деятельности с представителями протестантских и других религиозных объединений. Данные источники содержат как нормы закона, так и обзор правоприменительной, в том числе и судебной практики, также представляют точку зрения религиозного сообщества к изменившимся условиям деятельности религиозных объединений. Указанные нормы законодательства и правоприменительная практика, регулирующая

миссионерскую деятельность, по нашему мнению, достаточны в качестве показателя перехода к новой парадигме государственно-конфессиональных отношений на примере

Хронологические рамки исследования: Краткий обзор изменения законодательства, регулирующего миссионерскую деятельность в Российской империи (до 2017 г.), в Советский период (1917-1990) и в современный период. Особое внимание в научно-исследовательской работе уделялось с 1997 года и время введения миссионерских поправок в законодательство до 2018 г.

В ходе исследования было определено проблемное поле исследования: практика применения законодательства о миссионерской деятельности как показатель изменения государственно-конфессиональных отношений в России.

Данная работа связана не только с определением особенностей правоприменительной практики законодательства о миссионерской деятельности в Российской Федерации, но и с обеспечением гражданских прав и обязанностей религиозных объединений, что позволяет интегрировать религиозные объединения в современное демократическое общество.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что выводы и предложения, содержащиеся в настоящем исследовании, могут быть использованы при выработке и корректировке законодательной и правоприменительной практики регулирования миссионерской деятельности.

Структура научно-исследовательской работы, которая обусловлена поставленной целью и задачами, состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка литературы и нормативно-правовых актов

ГЛАВА I
ИСТОРИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1.1. Законодательное регулирование миссионерской деятельности в Российской империи (государственная и первенствующая религия и терпимые, и нетерпимые)

Проблемой изучения законодательного регулирования религиозной, а в том числе и миссионерской деятельности, занимались многие российские и иностранные ученые, в частности А.А. Дорская, А.И. Кудрявцев, Ф. М. Кулиев, М.П. Мчедлов, А.В. Пчелинцев, Т.В. Сойфер, М.О. Шахов, А.Ю. Якимов и др. Это вызвано тем, что в настоящее время в России происходит переосмысление исторического опыта, который включает практическое применение и проблемы правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в Российской империи, так как обращение к прошлому позволяет определить степень подготовленности государства и всего общества к осуществлению различного рода преобразований в государственной и общественной жизни.

Эти взаимоотношения невозможно изучать в отрыве от особенностей исторического опыта правового регулирования деятельности конфессий в дореволюционной России, где Российская Православная Церковь занимала особое положение в государстве и выполняла весьма значимые социальные функции.

Нормативно-правовые акты, регулирующие правовое положение и религиозную, в том числе и миссионерскую деятельность религий и конфессий, действующих в России в тот или иной исторический период, многообразны и разнородны по своему характеру. Законодательные акты принимались в разной исторической обстановке при самых различных ситуациях. В основе понимания и регулирования этих отношений находилось

представление о месте религии и религиозных объединений в жизни общества и государства, их функции, сферы деятельности и компетенции всех субъектов данных отношений. В самой истории Русская православная церковь, как указывается в преамбуле ФЗ №125, играла особую роль в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, причем одним из приоритетных видов ее деятельности была миссионерская деятельность, которая долгое время дозволялась лишь Православным.

Все это было обусловлено тем, что в России Православная Церковь рассматривалась как носительница единственно истинного христианского вероучения, поддержание которого является долгом государства. В силу этого, Православная Церковь занимала особое положение в государстве и выполняла весьма значимые социальные функции. Остальные верования и религии воспринимались в качестве заблуждений, к которым государство, в зависимости от их свойств и поведения их последователей, может определенную терпимость или нетерпимость. Никакое содействие в обращении в иную, отличную от истинной веры, не предполагалось, поэтому любая миссионерская деятельность других религий и верований не допускалась. В соответствии с этим выстраивалась и система государственной власти ведавшей делами Российской Православной Церкви и других религий и христианских конфессий.

Как указывает М. О. Шахов: «*доминировавшая мировоззренческая установка предопределяла характер законодательства, которое предоставляло исключительные преимущества Синодальной Церкви и налагало различные ограничения на деятельность иных конфессий*»[7].

В самой практической деятельности в отношениях с инославными (т.е. неправославными христианами) и иноверующими (исповедовавшими нехристианские религии) деятельность властей могла быть как веротерпимая, так и репрессивные.

---

[7]Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – 37 с.

Например:

- Церковным Собором 1654 г. все противники реформы патриарха Никона были отлучены от церкви, а в 1667 г. были объявлены еретиками. Таким образом, старообрядцы автоматически подпадали под действие Уложения 1649 г., которое устанавливало жестокие наказания, вплоть до смертной казни, за преступления против православной веры.

- в 1744 Указ Сената и Синода запрещал строительство новых мечетей и требовал разборки мечетей, построенных ранее в деревнях, где одновременно с мусульманами проживали православные.

В период царствования Екатерины II в области государственно-конфессиональных (церковных) отношений произошли значительные изменения курса на предоставление инославным свободы отправления богослужения. В Указе от 17 июня 1773 г., а затем позже в 1777 г. провозглашалась терпимость к неправославным исповеданиям и религиям: *«…как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и ее Величество… поступать изволит, желая только, чтобы между подданными ея Величества всегда любовь и согласие царствовало»*[8].

Тем не менее, как видно из Манифеста Екатерины II от 22 июля 1763 г. ч.1, повеления 6, указывались следующие религиозные права**: «***Всем прибывшим в Империю Нашу на поселение иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам безпрепятственно; а желающим не в городах, но особыми на порозжих землях поселиться колониями и местечками, строить церкви и колокольни, имея потребное число при этом пасторов и протчих церковнослужителей, изключая одно построение монастырей; напоминая однако ж при сем, чтоб из живущих в России в Христианских законах, никто и никого в согласие своей веры или сообщества ни под каким видом не склонял и не привлекал, под страхом всей строгости Наших законов, изъемля из сего разнаго звания находящихся в Магометанском законе, прилежащих к границам Нашей Империи народов, коих не только*

[8] Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 12, №13996

благопристойным образом склонять в Христианския законы, но и всякому крепостными себе учинить позволяем»[9]. Не трудно увидеть, что данная религиозная свобода и веротерпимость не предполагала возможности распространять свою веру. Эта же позиция была и при присоединении Крыма, Тамани и Кубани в состав Российского государства, Екатерина II в своем Манифесте 8 апреля 1783 г. указала мусульманам Тавриды, что она обязуется *«...содержать их наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру»*[10]. Аналогичная политика проводилась Екатериной II и по отношению к мусульманам в других районах Империи.

В связи с этим, можно привести позицию российского правоведа М. А. Рейснер, который в 1905 г в. своей работе «Государство и личность» оценивал становление российской государственной веротерпимости следующим образом: *«…Если наше право с покорением каждого нового народа вводит в состав русского государственного организма и новые исповедания, в качестве признанных терпимых религий, то оно это делает отнюдь не по мотивам нравственного свойства и не в силу своего культурного правосознания, а в силу чисто-политической необходимости: привязать к составу громадной Империи новые нации и народы и захватить их национальные религии в рамки общего государственного управления*».

Однако в целом религиозное законодательство в период XVIII – начала XIX являлось бессистемным, состояло из разрозненных, несвязанных между собой нормативных актов, часто включавших и судебные прецеденты. Распоряжения правительства были полны противоречий и нарушений церковного права.

Тем не менее, распространение в России инославия и иноверия побуждало разработчиков Свода законов Российской Империи, (15 томное

---

[9] Манифест Екатерины II «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах» от 22 июля 1763 г.
[10] Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 21, №15708

издание, опубликованное в 1832 г.) к конструированию норм, регламентирующих правовое положение конфессий. Уже с 1835 г. и вплоть до 1917 г. правовое положение исповеданий, а также особенности их взаимоотношений с Российским государством, регламентировались указанным выше Сводом законов Российской Империи.

В Своде законов были собраны и систематизированы правами и обязанностями крупнейших инославных вероисповеданий. Например, в алфавитном указателе к Своду законов вошли такие понятия, как: «римско-католический» и «евангелический», «лютеране» и «католики», «римско-католическая церковь» и некоторые другие.

Свод законов Российской Империи, как упоминает в своем учебнике А. К. Погасий[11], все исповедания делил на четыре иерархических уровня, которые не только находились в неравном положении, но и были в полной зависимости от государства.

Первое место, согласно Своду законов занимала Российская Православная Церковь, являвшаяся государственной, и объявлялась к «первенствующей и господствующей»[12]. Свод законов Российской империи включал в себя более тысячи статей, которые охраняли права «первенствующей» Церкви. Например, «*Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры кроме Православной*»,[13] кроме того, он объявлялся «*Верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры, блюстителем правоверия и всякого в церкви святой благочиния*»[14]. В соответствии со Сводом законов, самодержавная власть управляла Православной Церковью «*посредством Святейшего правительствующего синода, ею учрежденного*»[15].

Согласно ст. 67 Свода законов Российской империи «свобода веры присвояется не токмо Христианам иностранных исповеданий, но и Евреям,

---

[11] Погасий А.К. Религиозное правоведение: Учебник / Казань: ИД МеДДоК, 2015. – 308 с.
[12] Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 1, а. 1, ст. 62.
[13] Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 1, а. 1, ст. 63.
[14] Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 1, а. 1, ст. 64.
[15] Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 1, а. 1, ст. 65.

Магометанам и язычникам», а в ст. 68 устанавливалось, что «делами Церковными иностранных исповеданий и иноверцев в Империи Российской ведаются духовные властями и особенными правительствами, Верховной властью к сему предназначенные». Кроме того, ст. 80 провозглашала: «*Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этой свободой определяются законом*». В соответствии с этим, второе место занимали так называемые «признанные терпимые исповедания», такие, как Римско-католическая Церковь, протестантские, армяно-григорианская и армяно-католическая церкви, христианские направления, такие как: меннониты и баптисты, а также нехристианские религии – Еврейская, Магометанская, буддийская и язычники. Однако статус «терпимых» исповеданий имел существенные градации, в зависимости от государственных интересов устанавливался отдельный правовой режим в социальном, имущественном и политическом аспектах. Например, Римско-католическая Церковь по Своду законов имела свободу отправления культа и религиозного обучения, но категорически запрещалась всякая миссионерская и пропагандистская деятельность, что, кстати, характерно для всех не православных исповеданий и религий.

Третье место занимали религиозные общества, относящиеся к категории «терпимых непризнанных» – некоторые секты, а также раскольники (старообрядцы). По отношению к ним государство стояло на чисто церковной точке зрения - отпадение от Православной Церкви рассматривалось как преступление. В юридически-правовом отношении существование данных обществ не признавалось, однако, их «терпели», не наделяя правами юридического лица. На практике при этой «терпимости», по сути, воспрещалась внешняя деятельность на проявление своей веры. Им запрещалось издание религиозной литературы, совершение Крестные ходов, ношение священнических одежд, общая молитва в частных домах и многое другое, но при этом их особо не подвергали преследованиям.

И, наконец, четвертое место в градации религий и исповеданий в

Российской Империи занимали существовавшие «непризнанные и нетерпимые» исповедания, к которым относились «секты» как скопцы, а также исповедания, которые квалифицировались государством как враждебные. Например в 60-70 годы XIX века к «непризнанным и нетерпимым» относили штундистов и баптистов. Соответственно даже сама принадлежность этим исповеданиям преследовалась по закону.

Однако, как справедливо отметил в своей работе Кулиев Ф. М., – «*перечень терпимых в империи вероисповеданий определялся не их близостью к православной догматике, а чисто политическими условиями вхождения того или иного народа – последователя определенного вероучения – в состав Российской империи, его численностью и влиянием*»[16].

Таким образом, можно констатировать тот факт, что в Российской империи государственная политика носила ярко выраженный религиозный характер, закрепленный в известной формуле «*православие, самодержавие, народность*». Охранительные тенденции выражались в дозволении не православным исповеданиям и религиям определенной свободы отправления культа, религиозного обучения своих последователей при категорическом запрещении в пределах Империи любой другой религиозной пропаганды и миссионерской деятельности, кроме православной.

Обоснование данной позиции двояко:

Во-первых, соображениями идеологическими. Поскольку Российская православная церковь провозглашалась «первенствующей и господствующей» и выражала государственную идеологию, место других исповеданий определялось их степенью близости к официальной государственно-религиозной идеологии.

Во-вторых, к началу XIX в Российской империи в результате территориальных приобретений окончательно превратилась в многоконфессиональную империю. Рост иноверческого населения Империи

[16] Кулиев Ф. М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 15 (54). С.14—24.

приводил к изменению положения верисповедальной политики государства. Но это в силу известного тезиса «православие, самодержавие, народность» состояло в том, что «подчиненные» народности заключались законом в национально-конфессиональные рамки, в своего рода замкнутые корпорации. При этом, как справедливо констатировал Кулиев Ф. М., «*каждая корпорация выстраивалась по принципу жесткой смычки национальной и конфессиональной принадлежности: быть татарином значило исповедовать ислам, быть евреем значило исповедовать иудаизм, а принадлежность к польской национальности предполагала одновременную причастность к католической церкви и т.д. И любой выход за рамки национально-конфессиональной корпорации, т.е. переход отдельного лица в другое исповедание (кроме православного), законом не допускался*».[17]

Однако в начале XX в., в связи с ростом иноверческого населения Российской империи и возросшим революционным движением вероисповедальная политика государства начала изменяться. В частности Император Николай II 17 апреля 1905 года издал именной высочайший Указ, данный Сенату «Об укреплении начал веротерпимости»[18], в котором впервые за многовековую историю России, законодательно утверждались не только права на свободу вероисповедания для лиц неправославного исповедания, но и устанавливалось, что отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию. Кроме того, было окончательно легализовано старообрядчество и отменены существовавшие ранее запреты и ограничения для других христианских конфессий. Таким образом, косвенно снимался запрет в отношении миссионерской деятельности не православным исповеданиям.

Заканчивая обзор Законодательного регулирования миссионерской деятельности в Российской империи, нельзя не согласиться с выводом

---

[17] Кулиев Ф. М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 15 (54). С.14—24

[18] Именной Высочайший Указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. // полное собрание законов российской империи. собрание третье. 1905. — СПб, 1907, т. 25, (№ 26126).

Осьмаковой О.Н. «*Анализ места и роли правового регулирования миссионерской деятельности ... российского законодательства расширяет научную картину проблемы. Рассмотрение представленной темы может дать дополнительный материал для изучения современного состояния правовой базы и выработки новых механизмов и тактики регулирования спорных вопросов*».[19]

1.2. Законодательное регулирование миссионерской деятельности в Советский период (от свободы к полному запрету)

Становление советской власти после Октябрьской революции 1917 г. характеризуется резким сломом как самого государственного аппарата Российской Империи. Изменения коснулись и всех аспектов государственно-конфессиональных отношений, в том числе и распространения веры. Религиозная идеология никак не вписывалась в идею коммунистического строительства в новом государстве. Особое неприятие религии, а точнее Православной Церкви, было вызвано еще и тем, что Церковь воспринималась как часть старого имперского аппарата власти, подлежащего разрушению. Не зря в одном из революционных гимнов звучало: «*мы раздуваем пожар мировой, церкви и тюрьмы сравняем с землей*»[20]. Ситуация еще усугублялась и тем, что высшие иерархи Православной Церкви с первых дней подвергали резкой критике произошедший государственный переворот 25 октября 1917 г. И, хотя ряд законодательных актов соответствовал модели светского европейского государства и устанавливал невиданную для России религиозную свободу. Так, например, «Декларация прав народов России» предусматривала отмену «*всех и всяких национальных и национально-*

---

[19] Осьмакова О.Н. К вопросу о правовом регулировании миссионерской деятельности Русской православной церкви //23.11.2015 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://отрасли-права.рф/article/14009 (дата обращения 15.02.18)

[20] Красная Армия всех сильней // композитор С.Я. Покрасс и поэт П.Г. Горинштейн

религиозных привилегий и ограничений»[21]. И Конституция[22] РСФСР 1918 г. провозглашала в ст. 13. «*В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами*». По сути, данная правовая норма устанавливала как свободу антирелигиозной, так и свободу религиозной пропаганды. И ст. 21 декларировалось, что «*Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления*». С другой стороны, все религиозные организации не только лишались юридического статуса и своего имущества, которое было объявлено народным достоянием. Было прекращено государственное финансирование религиозных объединений, в России устанавливался светский характер государственной власти. В то же время государство открыто поддерживало и финансировало антирелигиозную пропаганду, несмотря на официальную декларацию свободы антирелигиозной и религиозной пропаганды. Последняя, с точки зрения новой власти, была неуместна и вредна. В программе Российской Коммунистической партии (большевиков) (в дальнейшем РКП), принятой VIII съездом в 1919 году, указывалось: «*13. По отношению к религии РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви… Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков*». Данную идеологическую посылку необходимо учитывать при рассмотрении всех декларируемых Советской властью принципах свободы совести и вероисповедания. Государственная политика Советской

[21]«Декларация прав народов России» // Дебитор — Евкалипт. — М.: Советская энциклопедия, 1972. — (Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров; 1969—1978, т. 8)

[22] Конституция РСФСР принятая V Всероссийским Съездом Советов. 10.07.2018 г. // СУ РСФСР, 1918, №51, ст. 582.

России, а затем и СССР, как справедливо указывает А.К. Пагасий[23], в отношении религии строилась, исходя из положений научного коммунизма. Практическое выражение этой политики проводилось на принципах воинствующего атеизма, разработанных и провозглашенных В.И. Лениным еще в начале XX в.: «*Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо уметь бороться с религией, а для этого надо материалистически объяснить источник веры и религии у масс*»[24]. Кроме того, учитывая позицию воинствующего атеизма, стал вопрос об искоренении религии вообще, как не вписывающейся в коммунистическую доктрину.

Сложность выполнения этой задачи была обусловлена тем, что подавляющее большинство граждан России являлись верующими. В одночасье переубедить их всех и заставить верить в коммунистические идеалы, без которых невозможно было удерживать власть и строить социалистическое государство, было невозможно. Партийно-государственное руководство страны пошло другим путем - путем разложения религии и прежде всего Православной Церкви изнутри, с использованием всей мощи коммунистическо-советского идеологического аппарата и органов юстиции и государственной безопасности. При этом было организовано и не прекращалось репрессивное давление на духовенство и активных верующих, была предпринята попытка ликвидировать организованную религиозную жизнь.

В частности, один из создателей советских органов госбезопасности, председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Ф. Э. Дзержинский, на одном из совещаний в декабре 1918 г. говорил: «*Мое мнение: церковь*

---

[23] Погасий А.К. Религиозное правоведение: Учебник / Казань: ИД МеДДоК, 2015. – 308 с.
[24] Об отношении рабочей партии к религии (13 (26) мая 1909 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1964—1981. — Т. 17. — С. 418.

разваливается, поэтому нам надо помочь, но никоим образом не возрождать ее в обновленной форме… Церковную политику развала должен вести ВЧК, а не кто-либо другой. Официальные или полуофициальные отношения с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели – разложения попов. Связь, какая бы ни было с попами других органов, бросит на партию тень, это опаснейшая вещь. Хватит нам одних спецов»[25].

В целом, говоря о советском периоде регулирования миссионерской деятельности можно выделить следующее: исторически существовал очень краткий период полной религиозной свободы, но по мере установления советской власти и ее укрепления, все религиозные свободы остались лишь декларативными заявлениями. Религия объявлялась классово чуждым пережитком прошлого.

Окончание, так называемого «свободного» периода, ознаменовалось принятием Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., согласно которому Религиозные общества и группы верующих не пользуются правом юридического лица. Религиозные организации и их члены подлежали обязательной регистрации, причем местные органы власти могли отказывать в ней без каких-либо объяснений, что ставило их деятельность вне закона. Религиозная жизнь ограничивалась только богослужениями в стенах храмов или молитвенных помещений, причем каждое религиозное общество или группа верующих может пользоваться только одним молитвенным помещением. Любое собрание религиозных обществ и групп проводилось только со специального разрешения. Государство окончательно избирало для себя путь сегрегационный, при котором религия рассматривалась как вредное и отрицательное явление. Любое ее участие в жизни общества подлежало

---

[25] Курляндский И. А. Фальсификация документов по истории церковно-государственных отношений в 1930-е годы // Научный православный взгляд на ложные исторические учения: сб. конф. М., 2011. С. 424.

максимальному ограничению.

Поэтому Советский период законодательного регулирования миссионерской деятельности можно характеризовать следующим образом: от краткой свободы к полному запрету.

Все это не могло не привести к вынужденным нарушениям закона, его неприятию и формирование в религиозно-ориентированной среде отношению к государству как к враждебной среде.

1.3. Законодательное регулирование миссионерской деятельности в Российской Федерации (выбор модели государственно-конфессиональных отношений)

В позднесоветский период и во время становления новой демократической, идеологически не ориентированной, государственной Российской власти привел к отмене всех ограничений религиозной свободы, в том числе миссионерской деятельности.

При этом, ситуация с миссионерской деятельностью, направленной на распространение своего вероучения и привлечению новых последователей, осложнялась как внешними, так и внутренними фактами. С одной стороны, традиционно представленные в России конфессии и религии после пережитого давления в советский период оказались не готовы к деятельности в новых исторических условиях. С другой стороны, абсолютная свобода любой религиозной деятельности при отсутствии какого либо контроля и надзора, приводила как к напряжениям во взаимоотношениях с традиционно представленными религиями и конфессиями, так и к активной миссионерской деятельности, прежде всего со стороны иностранных религиозных организаций. Вопрос регулирования миссионерской деятельности встал достаточно остро, так как были сняты все, за небольшим исключением, законодательные ограничения на деятельность иностранных миссионеров и новых религиозных организаций.

Причинами активной миссионерской деятельности в 90 годы XX века можно считать:

- неготовность общества критически оценивать получаемую информацию. Вызвано это было наследием как царского, так и советского периодов в истории России. В указанные периоды отсутствовал не только плюрализм мнений, но и жёсткое подавление инакомыслия. Как следствие этого общество и отдельные лица не имели опыта критичного осмысления информации;

- кроме того, и общемировые процессы распространения новых религиозных движений;

- обязательства, налагаемые международным правом: обеспечение свободы слова, собраний, совести, объединений;

- разрушение традиционных духовных и моральных устоев общества.

Все это, при отсутствии какого-либо законодательного регулирования миссионерской деятельности, не могло не вызвать обратной реакции. В ряде регионов и на федеральном уровне, начали составляться проекты и готовиться законодательные инициативы в отношении регулирования миссионерской деятельности. Подобная практика с антимиссионерским законодательством была характерна для России в начале 90-х годов, но с принятием Федерального закона «О свободе совести и о религиозных организациях» ситуация несколько успокоилась. Тем не менее, тема принятия законов, регулирующих миссионерскую деятельность, периодически актуализировалась и возникали проекты федерального уровня, так и на региональном уровне. Были приняты региональные законы «О миссионерской деятельности»: в Белгородской, Смоленской, Псковской, Воронежской, Костромской, Новгородской, Курской, Тамбовской, Архангельской областях, Ямало-Ненецком автономном округе.

Предпринимались попытки принять подобные законы и в других регионах. Исследования попыток регионального регулирования миссионерской деятельности предпринимались в статье Клюевой В.П. и Шестакова Е. Н.

«(Анти)миссионерское региональное законотворчество»[26]. Как указывается в статье: в целом все местные законы похожи друг на друга. Поэтому рассмотрим некоторые положения одного из первых региональных законов «О миссионерской деятельности», закон Белгородской области от 19 марта 2001г. N132 "О миссионерской деятельности на территории Белгородской области» (с учетом изменений от 03 мая 2011 г.). (http://lawru.info/dok/2001/03/19/n508379.htm). В ст.2 приводятся определения понятиям: миссионерская деятельность, миссионеры, информационная и организационная миссионерская деятельность. Согласно указанной норме, это *«информационная и организационная деятельность представителей религиозных объединений, а также лиц, распространяющих религиозную литературу и иные предметы религиозного назначения, произведённые религиозными объединениями, прямо или косвенно направленная на распространение своего вероучения и религиозной практики на территории Белгородской области среди лиц иной веры и неверующих»*. Если следовать данному толкованию понятия «миссионерская деятельность», не понятно, чем она отличается от остальной религиозной деятельности, особенно если учесть выражение *«прямо или косвенно направленная на распространение своего вероучения и религиозной практики»*. Ведь любая религиозная деятельность «*прямо или косвенно направленная на распространение своего вероучения и религиозной практики»*. Кроме того, вся богослужебная деятельность, священническое облачение, внутреннее и внешнее убранство храмов, предметы культа и многое другое, как раз прямо или косвенно направлены на распространение вероучения и религиозной практики.

Соответственно, определение миссионерской деятельности, закрепленное в Белгородском законе (как и в подобных законах), слишком широкое и размытое. И под него может попасть любое высказывание

---

[26] Клюева В.П., Шестаков Е. Н. (Анти)миссионерское региональное законотворчество. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/07/d34968/?print=1 (дата обращения 15.02.18)

гражданином о своей вере, любая деятельность религиозной организации, особенно если учесть «*прямо или косвенно».* Объяснить при данных законах, что это не миссионерство, а совсем другая деятельность, будет весьма сложно.

В законе "О миссионерской деятельности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа" от 6 июня 2016 г. № 36-ЗАО (опубликованном на официальный сайт Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа www.zsyanao.ru) Ямальских законодателей также беспокоило распространение на территории округа «нетрадиционных» религий и их влияния на коренные малочисленные народы Севера. В связи с чем ямальцы подошли к содержанию законодательного определения «миссионерская деятельность» не менее творчески. По ямальской версии миссионерская деятельность это – *«информационная и организационная деятельность миссионеров на территории автономного округа среди неверующих и (или) лиц иной веры»*. Соответственно миссионером считается *«лицо, занимающееся распространением вероучения, религиозной практики среди неверующих и (или) лиц иной веры с целью привлечения их к участию в религиозной деятельности».* Согласно ямальского закона любой человек, решивший поговорить о своей вере – миссионер. Это порождает, как и в остальных случаях, неразбериху в определениях религиозной деятельности. Например, совместная молитва за успешное завершение начатых дел, по смыслу ямальского закона – будет уже миссионерством.

Несмотря на все несовершенство регионального и федерального законодательства, регулировать миссионерскую деятельность необходимо, но с учетом мнения религиозных объединений, в соответствии п.7, ст.8 125-ФЗ *«Органы государственной власти при рассмотрении вопросов, затрагивающих деятельность религиозных организаций в обществе, учитывают территориальную сферу деятельности религиозной организации и предоставляют соответствующим религиозным организациям возможность участия в рассмотрении указанных вопросов».*

Кроме того, нужно учесть и Постановление Конституционного Суда РФ, который в своем решении от 30.10.2003 г., указал, что «*не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания*».

Рассматривая вышеизложенное, мы можем сделать вывод, что в позднесоветский период и во время становления новой демократической, идеологически не ориентированной, государственной власти характерен решительной отменой всех ограничений и установлением полной религиозной свободы. Однако при отсутствие какого-либо регулирования, вопрос деятельности религиозных объединений и граждан на распространение своих религиозных убеждений встал достаточно остро. К сожалению, попытки разрешить создавшееся напряжение как на региональном, так и на местном уровне проходило без широкого учета мнения всех религиозных объединений.

Таким образом, на примере законодательного и правоприменительного регулирования миссионерской деятельности, мы видим переход от светской модели государственно- конфессиональных отношений сепарационного типа, где государство не вмешивается в дела религии, к модели кооперационного типа, в котором государство и религия совместно решают ряд социальных проблем. Как указывал российский ученый, доктор философских наук, профессор М. О. Шахов: «В современной России, являющейся, согласно Конституции, светским государством, идет поиск оптимального варианта взаимоотношений с религиозными объединениями. Отношения Российской Федерации с Русской Православной Церковью развиваются в направлении кооперационного типа».[27]

Учитывая все вышеизложенное, можно наблюдать переход от сегрегационного типа государственно-конфессиональных отношений советского периода к кооперационной модели, предполагающей социальное

[27] Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – 528 с.

партнёрство. При котором, государство выстраивает отношения с различными религиями и религиозными объединениями по разному типу. Как указывает М. О. Шахов «Кооперационный тип отношений между государством и традиционными для данного общества конфессиями может сочетаться с формированием между тем же самым государством и некоторыми религиозными движениями, и конфессиями, подозреваемыми в «экстремизме», «политическом сепаратизме» и т. п. отношений близких к сепарационному и даже сегрегационному типу… Сосуществование в светском государстве разных типов государственно-конфессиональных отношений зависит от ряда факторов: от «социального поведения» различных конфессий, от меры применения принципа «конфессиональной нейтральности» государства, от степени согласованности в проведении вероисповедной политики различными органами власти, от уровня политической культуры власти и общества».[28]

Таким образом, на примере истории и современного состояния законодательного регулирования миссионерской деятельности в России мы можем видеть, как под влиянием внешних и внутренних факторов, идеологических установок менялись модели государственно-конфессиональных отношений, от терпимости к корпоративному партнерству, что особенно ярко видно на примере правового регулирования миссионерской деятельности.

[28] Там же

ГЛАВА II
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.1. Переход от полной свободы к контролю

В данной главе мы обратимся к современной истории становления и развития законодательства, регулирующего миссионерскую деятельность. В постсоветской России, как мы уже отмечали, произошел отказ от всех ограничений религиозной свободы и в том числе миссионерской деятельности. Был упразднен не только Совет по делам религиозных культов, но и согласно ст. 8 Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» «…На территории РСФСР не могут учреждаться исполнительные и распорядительные органы государственной власти и государственные должности, специально предназначенные для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповедания…»[29] был введен запрет, на создание подобных органов

Другими словами, как выразился Михаил Олегович Одинцов этот этап в вероисповедной политике «смело может характеризоваться как «ликвидационный», ибо именно в эти годы отринуты были прежние научные и правовые основы государственной политики в религиозном вопросе и ликвидирована соответствовавшая ей организационно-управленческая структура».[30]

Но как отмечалось ранее, абсолютная свобода любой религиозной деятельности, при отсутствии какого-либо контроля и надзора, приводит к напряжениям в самом обществе, вызванными самыми различными способами и методами миссионерской деятельности, в том числе и агрессивными, при которых свободный и добровольный выбор индивида не учитывается. Кроме того, не учитывается и мнение традиционно

---

[29] Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий" от 25.10.1990 № 267-1 (ред. от 27.01.1995) // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 1990, N 21, ст. 240

[30] Одинцов М. И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. Материалы международной конференции. М., 2000. С. 45.

присутствующих религий и конфессий к активной миссионерской деятельности со стороны иностранных религиозных организаций.

Следующий этап начался с принятием Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»[31] в сентябре 1997 г., котором в отличии от Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий», уже вводились определенные рамки для деятельности религиозных объединений. С момента принятия данного закона, государство взяло курс на регламентирование и ограничение религиозной, в том числе и миссионерской деятельности. Принятый в июле 2016 г. Федеральный закон № 374-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" (ФЗ № 374) и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" ввел не только легальное толкование миссионерской деятельности, но и установил административную ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях в сфере миссионерской деятельности.

В целом это подтверждает предварительный вывод, что государство взяло курс на регламентирование и ограничение религиозной, прежде всего миссионерской деятельности.

[31] Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях» от 29.09.1997г. № 125-ФЗ (ред. от 05.02.2018г.) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

2.2. Лакуны в законе о миссионерской деятельности

Современная редакция ФЗ №125 весьма существенно отличается от первоначальной версии. Причем данное отличие состоит в том, что число пробелов (лакун) и «размытости» формулировок в ФЗ №125 только увеличилось. В нашей работе мы обратим внимание на наиболее значительные пробелы в законодательстве о миссионерской деятельности.

Прежде всего, рассмотрим нормы, касающиеся регламентирования законодательного регулирования ФЗ № 125:

Само определение миссионерской деятельности: согласно п.1 ст. 24.1. ФЗ №125 «Миссионерской деятельностью в целях настоящего Федерального закона признается деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами».

Проводя анализ данной нормы законодательства, определяющему легальное толкование миссионерской деятельности, мы можем выделить ряд признаков миссионерской деятельности: «Эти признаки (их, по мнению исследователей, от 3 до 6) таковы:

1. Миссионерская деятельность – это деятельность непосредственно религиозного объединения и уполномоченных им лиц и организаций. Распространение своей личной веры нельзя автоматически отнести к миссионерской деятельности.

2. Миссионерская деятельность направлена на тех, кто еще не является последователем религиозного объединения, следовательно, беседы о вере среди единоверцев не являются миссионерской деятельностью.

3. Цель миссионерской деятельности – вовлечение людей в круг последователей религиозного объединения. Если вы просто говорите о своей вере без привязки к конкретному религиозному объединению – это не миссионерская деятельность.

4. Способ осуществления миссионерской деятельности – публичная деятельность. Разговоры дома о вере не являются публичной деятельностью.

Как отмечалось в письме Управления Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций для миссионерской деятельности характерна совокупность указанных признаков. Деятельность религиозного объединения, не содержащая их, не может рассматриваться как миссионерская, следовательно, на нее не распространяются ограничения, установленные Федеральным законом в отношении миссионерской деятельности».[32]

Несмотря на то, что в ответе Администрации Президента Российской Федерации для определения миссионерской деятельности характерна совокупность указанных признаков. Деятельность религиозного объединения, не содержащая их, не может рассматриваться как миссионерская, следовательно, на нее не распространяются ограничения, установленные Федеральным законом в отношении миссионерской деятельности.[33]

Размытость, неточность и двойственность формулировок данного определения, вызывает законное недоумение. Для примера, рассмотрим только некоторые из легального, правового определения миссионерской деятельности. Прежде всего, субъектом данной деятельности названы только объединения. Значит, гражданин, по определению, не может заниматься

---

[32]Адамия Л.Э., Шестаков Е.Н., Яншин И.В. Теория и практика осуществления миссионерской деятельности: Методическое пособие // Издательские решения, 2017. – 68 с.

[33]Ответ Администрации Президента РФ от 12 июля 2016 г. №А26-01-А72881592 Шестакову Е. Н. // Архив автора

данным видом деятельности? Почему тогда столько Судебных преследований именно физических лиц?

И потом, что такое вероучение? А если «миссионер» говорит об общехристианских ценностях, будет ли это считаться распространением информации о своем вероучении? Как и с какого момента считать факт вовлечение «в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения» установленным? С момента участия в религиозном мероприятии или с момента присоединения к религиозному объединению? Но, тогда практика крещения, обрезания и т. д. будет являться миссионерской, а если учесть, что данные обряды могут совершаться над младенцем — это вовлечение в религиозную деятельность малолетних и миссионерская работа среди них? И потом, а кто такие последователи, в каком законодательном акте дано легальное определение данного термина?

Еще пример, какой критерий публичности должен быть при осуществлении или нарушении миссионерской деятельности? Мы уже упоминали случай, при котором религиозная организация была привлечена к ответственности, так как на ее мероприятия могли зайти не участники данного объединения. Причем обвинение строилось именно на факте возможности присутствия в религиозном собрании посторонних лиц.

Как отграничить выражение своего религиозного убеждения от миссионерской деятельности, в сети «Интернет» или в средствах массовой информации? Причем информацию о религиозном мероприятии, размещенном в сети «Интернет», правоохранители в большинстве случаев расценивают как миссионерство и выносят постановления о привлечении к административной ответственности по п. 3 ст. 5.26 КоАП РФ

Если суммировать недочеты и размытость формулировок, приходится признавать в действующем законе недостаточно четко миссионерская деятельность отграничена от остальной религиозной. Само определение миссионерской деятельности является недостаточно проработанным.

Еще один важнейший вопрос: а при такой расплывчатости и неопределенности формулировок какой орган будет контролировать и определять была ли *«миссионерская деятельность»* и кем в конкретном случае (гражданином или членом объединения) были совершены миссионерские действия и какие?

Двойственно выглядит указание о запрете миссионерской деятельности в жилом помещении: «Не допускается осуществление в жилых помещениях *«миссионерской деятельности*, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ст. 16 настоящего федерального закона». Так что имел в виду законодатель - миссионерскую деятельность в форме богослужений, религиозных обрядов и церемоний или то, что в религиозных обрядах неизбежно присутствуют признаки миссионерской деятельности? Но тогда, по логике законодателя, возможна миссионерская деятельность без богослужений, религиозных обрядов и церемоний, а в практической религиозной деятельности это почти невозможно.

Совсем абсурдно выглядит и положение ст. 22 принятого закона, которая дополняет п. 2, ч. 3 ст. 17 Жилищного кодекса РФ[34]: «*Перевод жилого помещения в нежилое помещение в целях осуществления религиозной деятельности не допускается*». Так ведь осуществлять основные виды религиозной деятельности, такие как Богослужения, религиозные обряды и церемонии в жилом помещении возможно, причем беспрепятственно, в силу п.2 ст. 16 ФЗ№125, а вот официально перевести его в нежилой статус для религиозной деятельности нельзя, для другой - можно. Кстати, перевести дом из жилого фонда в нежилой вполне возможно, и этого никто не запрещает, а вот для религиозной деятельности – нельзя. Решение данного законодательного запрета решается очень просто: нужно жилое помещение перевести в нежилое под любым предлогом, а вот затем уже нежилое вполне можно использовать в целях осуществления религиозной деятельности.

[34] "Жилищный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // СЗ РФ, 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 14,

Поэтому ничего кроме усложнения и удорожания процесса перевода жилого помещения в религиозное данная норма закона не дает.

Кроме того, как указывал в своем обращении на имя Президента РФ, руководитель одного из протестантских объединений – «Данный вопрос для нас очень важен, поскольку в достатке культовых сооружений у нас нет, и для Богослужений, религиозных обрядов и церемоний, для всей нашей религиозной деятельности, в том числе СОВМЕСТНОГО ИСПОВЕДАНИЯ И РАССПРОСТРАНЕНИЯ ВЕРЫ, МИССИОНЕРСТВА используются жилые помещения. Отграничить проведение Богослужения от того, что теперь называется миссионерством, по сути, невозможно. Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» еще в 1997 году установил, что согласно п. 1, ст. 7 Помещения и необходимое для деятельности религиозной группы имущество предоставляется в пользование группы ее последователями. Принятые ФЗ № 374 поправки оставляют право, заниматься миссионерством даже религиозным группам (ст. 24.1 и 24.2). Но где они будут ею заниматься? Там, где проводят свои Богослужения, так это и есть жилые помещения, а это как раз и запрещается…или разрешается?»[35]

Адвокат, кандидат юридических наук К. Андреев, являющийся также и епископом лютеранской церкви, в своей статье «Антимиссионерский» закон подлежит отмене как антиконституционный»,[36] анализируя пробельность и противоречивость данного законодательства, приходит к выводу, что оно подлежит отмене как антиконституционное. С этой позицией сложно не согласиться.

Итак, нами были рассмотрены основные пробелы в действующем законодательстве о миссионерской деятельности и двойственность

---

[35] Письмо Председателя Правления Централизованной религиозной организации «Союз Миссий Христиан Веры Евангельской» от 09.07.16г. №1/090716 Президенту российской Федерации. //архив автора

[36] Андреев К. «Антимиссионерский» закон подлежит отмене как антиконституционный // Режим доступа: URL: http://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/06/d34892/?print=1 (дата обращения 15.02.18)

формулировок. В частности, было обращено внимание на размытость легального толкования миссионерской деятельности и, как следствие, на злоупотребления и нарушения при реализации применения законодательных норм, регулирующих миссионерскую деятельность. В ходе судебной практики, как правило, игнорируется или произвольно трактуются законодательные признаки миссионерской деятельности. Суд вынужден руководствоваться не столько нормами закона, сколько субъективным отношением как сторон разбирательства, так и самого суда. До сих пор единая правоприменительная практика не выработана, «лакун», и размытых формулировок в действующем законодательстве очень много. Некоторые из них существуют с момента принятия ФЗ № 125, другие появились сравнительно не давно.

Для исправления всех этих недостатков назрел вопрос о кодификации законодательства о религиозных объединениях.

2.3. Проекты корректировки законодательства миссионерской деятельности

Учитывая сложившуюся пробельность и двойственность законодательства о религиозных объединениях в настоящее время активно обсуждается возможность если не отмены, то корректировки закона.

Не отрицая необходимость корректировки ФЗ № 125, глава юридической службы Московской патриархии игуменья Ксения (Чернега) в ходе слушаний в Общественной палате РФ высказала следующую позицию[37]: «*В целом, несмотря на наличие недоработок, мы считаем, что принятый закон отвечает интересам традиционных конфессий. Русская православная церковь полагает, что корректировка этого закона сейчас преждевременна*». Не исключая возможность внесения поправок, инокиня Ксения (Чернега) добавила, что первоначально "*нужно изучить*

[37] В РПЦ считают корректировку «пакета Яровой» преждевременной. // Режим доступа: URL: http://tass.ru/obschestvo/3636671 (дата обращения 15.02.18)

правоприменительную практику". Более того, по ее словам, ряд необходимых правок был внесен еще на этапе обсуждения законопроекта.

Но даже в православной среде некоторые служители высказались с критикой данного закона. В частности, это известный протодиакон РПЦ МП Андрей Кураев, который в своем личном дневнике в Живом Журнале высказал свое мнение: «*Я больше не миссионер, потому что у меня нет надлежащей справки. Читайте законопроект, внесенный Минюстом…Тут нет различия между профессиональным миссионерством и ситуативным. Если бабушка в поезде заведет разговор с попутчиком о своих болезнях и о Блаженной Матронушке – ее что, штрафовать надо? …. Поскольку в законопроекте не сказано «дьякона Кураева это не касается», я считаю, что это и мне всунули кляп в рот. Если я видел, что в храм входит ребенок без родителей, и я не задержал его и не позвал милицию – я должен платить штраф? Даже в Хрущевские времена такого не было…».*[38]

В ходе исследований, различных мнений можно констатировать, что все проекты внесения изменений в законодательство, регулирующее миссионерскую деятельность, можно разделить на две группы.

Первая группа предлагает дальнейшее ужесточение законодательства, касающегося религиозных объединений при выделении особой роли, так называемых «традиционных религий». В отношении «традиционных» религий предлагается установить режим наибольшего благоприятствования и государственной поддержки. В среде наиболее крайних представителей данной группы даже обсуждается и лоббируется идея о введении статуса государственной религии.

Вторая группа настаивает на изменении в сторону либерализации законодательства о религиозных объединениях и внесение более четких понятий в законодательное регулирование. Размытость законодательных

---

[38]Антимиссионерский закон": история лоббирования // Режим доступа: URL: http://religiopolis.org/publications/10809-istoriya-lobbirovaniya-antimissionerskogo-zakona.html (дата обращения 15.02.18)

формулировок неизбежно порождает злоупотребления в регулировании не только миссионерской деятельности, но всех государственно-конфессиональных отношений.

Нам кажется, учитывая многоконфессиональный и многонациональный состав Российской Федерации, наиболее приемлемым является вариант корректировки положений закона о регулировании миссионерской деятельности. Отмена данных положений закона, точно так же приведет к ненужному напряжению в обществе. Поэтому корректировка данного законодательства с учетом правоприменительной практики и широкого обсуждения, с учетом мнения экспертов-религиоведов и юристов при участии представителей всего религиозного сообщества - крайне необходима.

В данной работе в качестве примера приводим Проект поправок наиболее проблемных положений данного законодательства[39].

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «О СВОБОДЕ СОВЕСТИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ», В КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Статья 1

Внести в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях следующие изменения:

1) в статье 5.26

а) в части 4 слова «на граждан в размере от пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от ста тысяч до одного миллиона рублей» заменить словами «на граждан в размере от одной тысячи до пяти тысяч рублей; на юридических лиц — от 5000 тысяч до 50 000 тысяч

[39] Адамия Л.Э., Шестаков Е.Н., Яншин И.В. Миссионерская деятельность в России: Судебная практика // Издательские решения, 2017. – 92 с.

рублей».

б) в части 5 слова «влечет наложение административного штрафа в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового» заменить словами «влечет наложение административного штрафа в размере от десяти тысяч рублей до пятнадцати тысяч рублей».

Статья 2

Внести в Федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях» следующие изменения:

1) пункт 1 статьи 24.1 после слов «либо другими законными способами» дополнить предложением «При отсутствии перечисленных признаков деятельность не может рассматриваться как миссионерская».

2) статью 24.1 дополнить пунктом 5 «Не является миссионерской деятельностью личное религиозное свидетельство и распространение своих убеждений физическими лицами гражданами РФ, иностранными гражданами, лицами без гражданства, не сопряженное с вовлечением в ряды последователей какого-либо религиозного объединения».

В целом анализируя современное состояние законодательства о миссионерской деятельности, мы приходим к следующему выводу, от периода полной религиозной свободы, наиболее ярким показателем которого являлась и активная миссионерская деятельность, Российская Федерация обоснованно переходит к регулированию и контролю над данным видом деятельности. Однако делается это без должного широкого обсуждения с привлечением представителей экспертного сообщества, религиозных объединений и общества в целом. Все это порождает несовершенство законодательства и его пробельность. Для комплексного и адекватного разрешения данных проблем необходима не только корректировка нынешнего законодательства, но и привлечение к решению этих задач институтов гражданского общества.

ГЛАВА III
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

3.1. Правоприменительная практика на примере взаимоотношений с несудебными органами.

С момента вступления в силу поправок, внесенных в ФЗ №125, в силу так называемого «пакета Озерова-Яровой» (ФЗ № 374), стало изменяться отношение к миссионерской деятельности религиозных объединений, не случайно эти поправки получили название – антимиссионерские. Это было в первую очередь вызвано пробельностью регулирующего миссионерскую деятельность законодательства и двойственность, и расплывчатость многих его формулировок оказывают влияние и на взаимоотношения с чиновниками и специалистами различных структур от местного до федерального уровня.

В частности, после проведения прокурорской проверки Религиозной организации в г. Нижневартовске, вынесено Предостережение о недопустимости нарушения закона. Поводом вынесения акта прокурорского реагирования было то, что в ходе проверки «обнаружен экземпляр книги «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа», которая была не промаркирована». Руководителя религиозной организации предостерегли о недопустимости непринятия мер по пресечению неконтролируемого проноса и хранения в целях массового распространения в здании религиозной организации ее посетителями материалов экстремистского характера и осуществления миссионерской деятельности с нарушением законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях. Объяснялось это тем, что литература, печатные, аудио- и видео материалы должны иметь маркировку с официальным и полным наименованием религиозной организации. Расплывчатость нормы ч.3 ст. 5.25 КоАП РФ и норм, регулирующих миссионерскую деятельность, позволят

правоохранителям широко толковать данную норму права. Сама возможность использования найденной, не промаркированной религиозной литературы, воспринимается органами власти как незаконная миссионерская деятельность. Более того, в личной беседе рекомендовано Богослужебную промаркированную литературу хранить в сейфе и выдавать под роспись. И впредь не допускать проноса в здание религиозной организации любой другой литературы или информационных и печатных материалов[40].

В Пскове представители правоохранительных органов отказались реагировать и принимать заявление на надпись, выполненную неизвестными на фасаде жилого дома, где проходили Богослужения.

Пояснив, что в случае возбуждения административного производства, придется рассматривать и факт незаконного осуществления миссионерской деятельности в жилом доме. Данный факт вызван тем, что ряд правоохранители не могут понять двойственность п.3 ст.24.1 ФЗ№125 который гласит: «*3. Не допускается осуществление миссионерской деятельности в жилых помещениях, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 16 настоящего Федерального закона*».

[40] Неформальное интервью с Я. К. - представителем религиозной организации христиан веры евангельской г. Нижневартовска. Нижневартовск, 26.10.2017 // Архив автора.

Действительно понять, можно осуществлять в жилом помещении миссионерскую деятельность или нет, даже юристу сложно[41].

В г. Уварово Тамбовской области, ВРИО начальника Муниципального отдела МВД России «Уваровский» от 15.01.2018 г. от Пастора местной религиозной организации Центр «Милосердие» христиан веры евангельской на основании п.4 ст. 13 ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 г. в связи со служебной необходимостью запрошены: списки прихожан церкви, списки работников церкви с указанием ФИО и места работы, режима работы церкви и время проведения собраний. Запрос сопровождался предупреждением об административном наказании по ст. 19.7 КоАП РФ за непредоставление или не своевременное предоставление сведений, либо за их предоставление не в полном или искаженном виде. В ряде случаев после получения запрашиваемой информации, осуществляется визит правоохранителей в место проведения религиозных собраний и нахождение там лиц, не указанных в списках, оформляется как факт осуществления миссионерской деятельности[42].

В с. Ильинка, Казанского района Тюменской области, расположенной в пределах пограничной зоны, руководителю местной религиозной организации, существующей с 1982 года и прошедшую государственную регистрацию в качестве религиозной организации, органами Пограничной Службы ФСБ России в соответствии со ст. 18 Закона РФ от 10.04.1993 г. №4730-1 «О Государственной границе РФ» и приказами ФСБ РФ «О пределах пограничной зоны на территории Тюменской области» и «Об утверждении правил пограничного режима» было указано на необходимость уведомления пограничных органов о проведении общественно-политических, культурных и иных мероприятий. Все объяснения, что в силу

---

[41] Неформальное интервью с И. Р. - ответственным за проведение Богослужений религиозной организации христиан веры евангельской г. Пскова. Псков, 01.03.2018 г. // Архив автора

[42] Неформальное интервью Р.И. - руководителем и священнослужителем религиозной организации христиан веры евангельской г. Уварово. Уварово, 15.01.2018 г. // Архив автора

п.2, ст. 16 ФЗ№125 богослужения, религиозные обряды и церемонии проводятся беспрепятственно в местах, прямо указанных в п. 2, ст. 16, в том числе и в жилых помещениях. Только в иных случаях, в соответствии с п.5 ст. 16 ФЗ № 125 богослужения признаются публичными, а любое публичное, массовое религиозное мероприятие является миссионерской деятельностью. Все объяснения и даже ссылка на то, что в селе действует Православный Храм, с которого никаких уведомлений не требуется, не привели ни к какому результату. Руководителю религиозной организации было вынесено административное наказание в виде Предупреждение[43].

Ситуация, связанная с правоприменительной практикой на примере взаимоотношений с административными, несудебными органами, является более проблемной. Это вызвано отсутствием должной правовой и религиоведческой компетенции представителей административных органов. В частности, был рассмотрен пример, где прокурор вынес представление руководителю религиозной группы, существующей в маленькой деревне с 1982 года, которая не имеет статуса юридического лица, с требованием не только устранить нарушение закона, но и привлечь лиц, виновных в нарушениях закона, к дисциплинарной ответственности, которой у группы, не имеющей статуса юридического лица и быть, не может. И хотя данный пример в прямую к миссионерской деятельности не относится, но он очень ярко иллюстрирует компетенцию чиновников в отношении религиозных объединений.

В целом, в ходе проведенного анализа правоприменительной, внесудебной практики мы видим, что принятие норм, регулирующих миссионерскую деятельность в рамке так называемого «Пакета Озерова-Яровой» (ФЗ № 374) и имеющим официальное название «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части

[43] Неформальное интервью с С. И. - руководителем и священнослужителем религиозной организации христиан веры евангельской с. Ильинка. Ильинка, 29.01.2018 г. // Архив автора

установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» окончательно отнесло миссионерскую деятельность в сознании очень многих чиновников, да и простых граждан как к чему-то вредному и нежелательному. Кроме того, появившаяся политическая ангажированность, страхи перед возможным миссионерским влиянием влияют на выносимые решения. Искренние и законопослушные верующие не относящиеся к так называемым «традиционным» конфессиям, все чаще чувствуют себя ущемленными и не нужными в своей стране. Таким образом можно прийти к выводу, что под видом борьбы с экстремизмом и нарушением порядка осуществления миссионерской деятельности, по сути, ведется борьба с прозелитизмом, и защищаются интересы титульной конфессии в РФ.

3.2. Судебная практика применения законодательства о миссионерской деятельности.

Федеральным законом от 06.07.2016 №374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности», введена ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях в сфере миссионерской деятельности.

Основных нововведений, внесенных в Кодекс РФ об административных правонарушениях, три[44]:

— п. 3 ст. 5.26 — осуществление религиозной организацией деятельности без указания своего официального полного наименования, в том числе выпуск или распространение в рамках миссионерской деятельности литературы, печатных, аудио- и видеоматериалов без маркировки с

[44] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001г. №195-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст.1.

указанным наименованием или с неполной либо заведомо ложной маркировкой с санкцией в виде административного штрафа в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей с конфискацией литературы, печатных, аудио- и видеоматериалов;

— п. 4 ст. 5.26 — осуществление миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях с санкцией в виде административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц — от ста тысяч до одного миллиона рублей;

— п. 5 ст. 5.26 — нарушение, предусмотренное частью 4 настоящей статьи, совершенное иностранным гражданином или лицом без гражданства с санкцией в виде административного штрафа в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового.

Указанные статьи вызвали серьезные опасения среди верующих и правозащитников, полагавших, что новые нормы закона могут быть направлены на борьбу с инакомыслием и иноверием.

В результате обращений граждан, Управление Президента РФ разослало письмо[45], в котором отмечалось, что для миссионерской деятельности характерна совокупность признаков, указанных в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», а именно:

— миссионерская деятельность — это деятельность непосредственно религиозного объединения и уполномоченных им лиц и организаций;

— миссионерская деятельность направлена на тех, кто еще не является последователем религиозного объединения;

— цель миссионерской деятельности — вовлечение людей в круг участников последователей религиозного объединения;

---

[45]Ответа Администрации Президента РФ от 12 июля 2016 г. №А26-01-А72881592 Шестакову Е. Н. // архив автора

— способ осуществления миссионерской деятельности — публичная деятельность.

Деятельность религиозного объединения, не содержащая их, не может рассматриваться как миссионерская. Следовательно, на нее не распространяются ограничения, установленные Федеральным законом в отношении миссионерской деятельности.

Из вышеуказанного следует, что распространение своей личной веры, беседы о вере среди единоверцев, рассказ о религиозных убеждениях без привязки к конкретному религиозному объединению не является миссионерской деятельностью. Кроме того, необходимо учитывать, что рассуждения о вере дома (в месте жительства или проживания) не могут быть признаны публичной деятельностью.

В ходе исследования была проведена оценка правоприменительной практики применения законодательства о миссионерской деятельности на примере судебных решений и их комплексный анализ, произведенный в период с 06 июля 2016 г. Исследование проводилось с учетом обобщения Судебной практики применения законодательства о миссионерской деятельности, подготовленной группой юристов[46],

Проведем анализ правоприменительной практики по основным пунктам ст. 5.26 КоАП РФ, касающихся миссионерской деятельности, определим закономерности и приведем в данной работе наиболее показательные решения.

I. Во-первых, говоря о правоприменительной практике стоит отметить осуществление религиозной организации деятельности без указания своего полного официального наименования п.3, ст.5.26 КоАП РФ.

Установленная нормой закона обязанность религиозной организации указывать свое полное наименование с указанием своей вероисповедальной

[46]Адамия Л.Э., Шестаков Е.Н., Яншин И.В. Миссионерская деятельность в России: Судебная практика // Издательские решения, 2017. – 92 с.

принадлежности не только содержалось в ФЗ №125, но с учетом так называемого «пакета Озерова-Яровой»[47] в административный кодекс РФ была введена санкция за нарушение данного требования в виде штрафа от 30000 до 50000 рублей.

Важно отметить, что сама диспозиция статьи ст.5.26 КоАП РФ направлена на необходимость идентификации субъекта миссионерской деятельности для того, чтобы не ввести в заблуждение окружающих и способствовать более прозрачному существованию и деятельности всех религиозных организаций в России.

Как мы уже отмечали ранее, репрессивная тенденция проявляется в большинстве рассматриваемых Судебных решений.

Таким образом, в 62 рассматриваемых случаях лишь в 10 приняты решения в пользу религиозной организации, в остальных случаях религиозная организация признана виновной в нарушении положений закона о миссионерской деятельности.

Интересно обратить внимание на то, как влияет, на решение Судебных органов конфессиональная принадлежность

[47]Федеральный Закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" от 06.07.2016г. №374-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4558.

Подавляющее большинство организаций, привлекаемых к ответственности за нарушения п. 3 ст. 5.26 КоАП РФ — это протестантские организации. Имеется некоторое количество мусульманских религиозных организаций, и ни разу не привлекались Православные организации принадлежащие к Московскому патриархату, хотя как неоднократно наблюдал автор, нарушений требований закона у них в разы больше.

Несмотря на то, что данное требование осуществления миссионерской деятельности одно из самых понятных и простых положений закона, не вызывающее разночтений и непонимания, тем не менее остановимся на наиболее резонансных делах.

А). Литература, переданная для проверки специалистам Министерства юстиции по Самарской области, признана распространяемой с нарушением норм закона о миссионерской деятельности.

Дело № 5-46/2017[48] от 6 февраля 2017 г., г. Самара.

С целью проведения проверки деятельности религиозной организации

[48] Постановление Мировой судья судебного участка № 31 Самарского судебного района г. Самары Самарской области от 06.02.2017 г. по делу № 5-46/2017 // Режим доступа: URL: http://sudact.ru/magistrate/doc/bFwxfNxHVe63/?page=7&magistrate-case_doc=&magistrate-doc_type=&magistrate-date_from=06.07.2016&magistrate-area=&magistrate-judge=&magistrate-date_to=06.10.2017&magistrate-txt=&magistrate-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+5.26.+%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+%D0%BE+%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B5+%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%2C+%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B5+%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F+%D0%B8+%D0%BE+%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D1%85%28%D0%9A%D0%9E%D0%90%D0%9F%29&magistrate-court=&_=1507285298509 (дата обращения 15.02.1

Управление Минюста России по Самарской области запросило перечень документов для проверки, в том числе экземпляры литературы.

Выездная проверка не проводилась, материалы предоставлялись специалистам Минюста.

По результатам проверки было вынесено постановление о привлечении к административной ответственности по п. 3 ст. 5.26 КоАП в связи с отсутствием в представленных экземплярах литературы указания на полное наименование религиозной организации.

Доводы представителей организации о том, что данная литература была предоставлена исключительно для ознакомления специалистами Министерства юстиции, что на распространяемой в рамках миссионерской деятельности литературе есть информация об организации, судом во внимание не принята. При этом выездная проверка указанных сведений не проводилась, экспертом Минюста был сделан заочный вывод о том, что вся литература распространяется с нарушением норм о миссионерской деятельности.

Б). На примере нижеприведенных двух сходных решений апелляционных инстанций о вывесках на культовых сооружениях и в местах богослужений можно видеть какое значение имеет правильная «конфессиональная» принадлежность.

Дело № 12-139/2017[49] от 14.08.2017, г. Шахунья. Протестантская церковь.

Должностное лицо, составившее протокол об административном правонарушении, К. А. П., при рассмотрении жалобы пояснил, что он является участковым именно по участку, на котором находится * * *. Неоднократно он проходил мимо этого дома, таблички с полным наименованием организации никогда не было. Отсутствие полного

[49] Апелляционное решение Судьи Шахунского районного суда Нижегородской области от 14.08.2017 г. по делу № 12-139/2017 // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-shaxunskij-rajonnyj-sud-nizhegorodskaya-oblast-s/act-558753786/ (дата обращения 15.02.18)

наименования вводит граждан в заблуждение относительно находящейся в доме организации. Ц-а была ознакомлена с протоколом, никаких замечаний не заявила, объяснений не давала. Протокол он составил на основании собранных документов. Представитель Н. В. И. при рассмотрении жалобы доводы жалобы поддержал, пояснил, что полное наименование организации указано непосредственно на входной двери в дом, в сенях. Поэтому люди, которые заходят, могут ознакомиться с полной информацией о названии организации. Эту табличку сотрудники полиции d64 не фотографировали. На * * * данная табличка была, хотя и не на фасаде дома. Поэтому событие административного правонарушения отсутствует. Представленное видео о нахождении информации о полном наименовании организации на двери из сеней в дом не является доказательством, освобождающим организацию от ответственности, поскольку информация была зафиксирована в 11—40 час. * * *, после обнаружения правонарушения — в 10—00 час. * * *.

Доводы представителей религиозной организации в расчет не принимаются, религиозной организации вынесен штраф в размере30 000 рублей.

Диаметрально противоположные решения в случае рассмотрения дела с участием мусульманской организации. Во всех случаях было вынесено решение о прекращении производства по делу в аналогичных ситуациях например:

Дело № 12-10/2017[50] от 22.05.2017, Республика Мордовия. Мечеть — отсутствие вывески на фасаде здания и невыполнение должностным лицом мер по установлению факта наличия, либо отсутствия вывески внутри помещения.

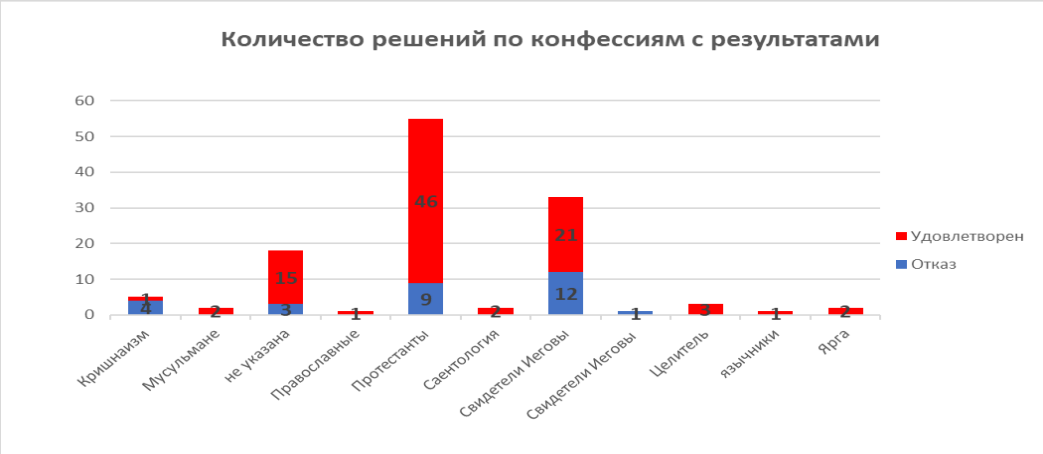
2. Во-вторых, рассматривая правоприменительную практику стоит обратить внимание на Судебные решения, вынесенные в связи с

[50] Апелляционное решение Судьи Ромодановского районного суда Республики Мордовия от 22.05.2017 г. по делу № 12-10/2017 // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-romodanovskij-rajonnyj-sud-respublika-mordoviya-s/act-556785901/ (дата обращения 15.02.18)

осуществлением миссионерской деятельности с нарушением требования законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях п.4, ст.5.26 КоАП РФ.

Дела по данной статье имеют значительное распространение, поскольку субъектами правонарушений являются и физические лица, и религиозные группы, религиозные организации, а также организации, не являющиеся религиозными.

Рассматривая данную категорию дел, стоит отметить, что согласно ФЗ №125 миссионерская деятельность является видом деятельности религиозных объединений. Тем не менее 62% привлекаемых к ответственности - это физические лица, 24% - это религиозные группы и 7% - религиозные организации. В 76% все решения судов имеют обвинительную направленность.



Говоря о конфессиональном характере привлекаемых к ответственности и о динамике вынесенных обвинительных и оправдательных приговоров, нужно отметить, что в число учтенных случаев входят и

физические лица, распространявшие свои убеждения согласно ст. 28 Конституции Российской Федерации, не выступавшие от имени религиозных объединений, однако все они были признаны Судом виновными в совершении административного правонарушения.

По религиозным организациям среди протестантов виновными были признаны 84% лиц.

В ходе нашего исследования только один раз встретилась привлеченная к ответственности и православная религиозная группа, но при этом не указана принадлежность к Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

Классифицируя случаи привлечения к ответственности за осуществление миссионерской деятельности с нарушением требования законодательства о свободе совести и о религиозных объединениях п.4, ст.5.26 КоАП РФ, можно выделить следующие группы:

1. деятельность физических лиц, связанная с распространением своих личных убеждений, либо вероучения религиозного объединения с нарушением положений о миссионерской деятельности. Зачастую это связано с отсутствием разрешения на осуществление миссионерской деятельности от имени религиозного объединения;
2. деятельность объединений верующих людей, независимо от того, считают ли они себя религиозной группой или нет;
3. деятельность зарегистрированных организаций, при этом необязательно, что бы они были религиозными.

Рассмотрим более подробно случаи привлечения к ответственности физических лиц.

Религиозные убеждения могут находить выражения в достаточно разнообразных формах. В том числе физ.лицо может иметь религиозные убеждения, действовать в соответствии с ними, рассказывать о них другим, а также распространять вероучение религиозного объединения среди лиц, не являющихся участниками, членами или последователями религиозного

объединения, действуя в рамках законодательства о миссионерской деятельности. Как показывает анализ правоприменительной практики, судами не проводится разграничение деятельности физических лиц по категориям, любая их деятельность рассматривается как миссионерская.

Кроме того, чаще всего не учитываются особенности разных вероучений. В качестве примера приведем следующий кейс.

Проведение религиозного обряда публично приравнено к миссионерской деятельности.

Дело № 5-311/2017[51] от 25.04.2017, Брянская область.

Ожидающий в специальном учреждении временного содержания иностранных граждан административного выдворения за пределы Российской Федерации, мусульманин совершает пятничную молитву среди прихожан, чем нарушает положения закона о миссионерской деятельности.

«не являясь имамом мусульманской мечети, официально не состоя в религиозной организации, проводил обряд — Пятничную молитву, в присутствии прихожан, то есть осуществлял миссионерскую деятельность с нарушением требований ст. 24.1 Федерального закона от <ДАТА4> <НОМЕР> «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Доказательством вины являются, в том числе, показания свидетелей: *объяснением свидетеля <ФИО5>, из которого следует, что он <ДАТА11>, прибыв в СУВСИГ, узнал, что здесь оборудована специальная комната, где проводятся религиозные обряды для мусульман. Он регулярно, пять раз в день, осуществлял молитвы в комнате <НОМЕР>. Процедура молитвы проходит при участии Мирзоева К. М., который проводит намаз; объяснением свидетеля <ФИО6>, из которого следует, что с момента его помещения в Центр содержания иностранных граждан, он соблюдал*

[51] Постановление Мирового судьи судебного участка №48 Почепского района Брянской области от 25.04.2017 г. по делу № 5-311/2017 // // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-mirovoj-sudya-sudebnogo-uchastka-48-pochepskogo-rajona-bryanskoj-oblasti-s/act-238447143/ (дата обращения 15.02.18)

пятикратный намаз и проводил его в молельной комнате <НОМЕР>, расположенной в данном Центре. Имамом в данном Центре являлся Мирзоев К. М., который проводил пятикратный намаз ежедневно и считался главным в проведении религиозных обрядов

При рассмотрении дела об административном правонарушении судьей установлено, что Мирзоев осуществлял миссионерскую деятельность без уведомления в письменной форме о начале деятельности религиозной группы органа, уполномоченного принимать решение о государственной регистрации религиозной организации, по месту осуществления деятельности религиозной группы. Таким образом обычное отправление религиозного обряда в месте, специально для этого предназначенном, среди единоверцев, без вовлечения кого бы то ни было в члены и последователей религиозного объединения, признано осуществлением миссионерской деятельности с нарушением законодательства о свободе совести!

Судья руководствовался тем что, если свидетелями отправления обряда могли стать посторонние люди, подобная деятельность будет признана миссионерской. При этом мотивация обвиняемого в совершении административного правонарушения во внимание не принимается, отсутствие в его действиях цели — вовлечение в деятельность религиозного объединения — тоже.

Исходя из данного дела можно сделать следующий вывод: даже судьи плохо представляют себе сущность религиозного объединения и законодательства, их регулирующее.

Подобные рассуждения свидетельствуют об отсутствии даже начальных познаний в области религиоведения и позволяют достаточно вольно трактовать нормы закона.

В подавляющем большинстве случаев действия физических лиц, направленные на распространение собственных убеждений, признаются незаконной миссионерской деятельностью, ввиду отсутствия специального разрешения от религиозного объединения.

Еще более интересное дело рассматривалось мировым судьей г. Абинска, Краснодарский край. Дело № 5-85/2017[52] от 14.03.2017, г. Абинск, в котором руководителя привлекли к ответственности за нарушение п. 4 с. 5.26 КоАП, выразившееся в том, что он якобы разместил информацию о деятельности религиозной группы в сети интернет, не имея на руках уведомления о начале деятельности религиозной группы, выданного Управлением Министерства юстиции. Судью не смутило то, что руководитель являлся официальным представителем Религиозной организации, об этом неоднократно заявлялось и представлялись соответствующие документы.

При этом никем, а дело прошло все инстанции, в том числе и Верховный суд РФ, не изучен вопрос о причастности руководителя религиозной группы к размещению материалов. Более того, ответчиком в судах неоднократно заявлялось, что он не имеет никакого отношения к размещенным 6 лет назад, указанным материалам! Приведем выдержку из материалов Судебного слушанья:

«Кроме того, как следует из материалов дела, удостоверением <НОМЕР> от <ДАТА>. Местная религиозная организация .... <АДРЕС> наделило К-о В.М. полномочиями по организации и проведению Богослужений в помещении <НОМЕР> по <АДРЕС> в соответствии с согласованным графиком (<Персональные данные>).
На основании договора от <ДАТА>. о безвозмездном пользовании недвижимым имуществом, местной религиозной организации - ... предоставлено в пользование помещение в жилом доме <НОМЕР> по адресу: <АДРЕС>. К-о В.М.1 поручено проведение Богослужений по данному

[52]Постановление Мирового судьи судебного участка № 113 Абинского района Краснодарского края от 14.03. 2017 г. по делу № 5-85/2017 // Режим доступа: URL: http://sudact.ru/magistrate/doc/6CRBGst8XVX/?page=2&magistrate-case_doc=5-85%2F2017&magistrate-doc_type=&magistrate-date_from=01.03.2017&magistrate-area=3018&magistrate-judge=&magistrate-date_to=31.03.2017&magistrate-txt=&magistrate-lawchunkinfo=&magistrate-court=&_=1508394880385 (дата обращения 15.02.18)

адресу (<Персональные данные>). Данная организация зарегистрирована Министерством юстиции РФ. По вероисповедной принадлежности Общество придерживается вероучения христиан веры евангельской и входит в структуру Централизованной религиозной организации ... (<АДРЕС>, также зарегистрированной министерством юстиции РФ.»

Однако, несмотря на данный факт, мировой судья, апелляционная, кассационная и надзорные инстанции не приняли данный факт во внимание, и сделали следующий вывод: «Судом установлено, что К-о В.М. в нарушение данных нормативных актов осуществлял деятельность, направленную на распространение информации о вероучении религиозной группы, тем самым совершил административное правонарушение, предусмотренное ч.4 ст. 5.26 КоАП РФ.

Единственным фактом осуществления миссионерской деятельности указывается наличие в сети интернет страницы с информацией о вероучении указанной группы и адресом проведения ею богослужений.

Но как указывал в ходе суда, и во всех остальных инстанциях вплоть до Верховного Суда РФ, ответчик в своей жалобе:

В деле указано, что я, якобы, разместил на сайте «Абинск — вечные ценности для верующих и неверующих» (домен: http://abinsk-churches.narod.ru) информацию о пятидесятниках, выдержку из Священного Писания — Библии Деяния 2:2—4, ссылку на сайт братства ХВЕП: www.hve.ru, сведения о том, что Церковь ХВЕ имеет собственный молитвенный дом по адресу: Россия, Краснодарский край, г. Абинск, ул. ..., д. ..., в котором регулярно, в воскресенье в 10 часов, проводятся богослужения. Я не имею никакого отношения к информации, размещенной на сайте в сети ИНТЕРНЕТ «Абинск — вечные ценности», никакой информации я там не размещал и этим сайтом никогда не пользовался. От знакомых мне стало известно, что на этом сайте размещена информация и о православной церкви в г. Абинск, и о баптистах, и об адвентистах в г. Абинске. На первой

странице этого сайта указаны сведения об его разработчике: «© Даниил Христенко, идея, разработка, 2003 — 2004», «© Алекс Клаус, спонсор, 2003 — 2004. Элементы дизайна скопированы у Сергея Солдатова».

Богослужения христиан веры евангельской в г. Абинск действительно проводятся по данному адресу, но дом находится в собственности физических лиц и по договору предоставляется безвозмездно Местной религиозной организации ..... К братству ХВЕП мы никакого отношения не имеем, а официальный сайт www.hve.ru принадлежит совершенно иной религиозной организации Централизованной религиозной организации ..., к которой моя церковь-приход никакого отношения не имеет.

Более того, информация размещена задолго до приезда руководителя группы в г. Абинск.

Это первый в истории регламентирования миссионерской деятельности случай, когда человек признан виновным за деяния, которые он не совершал и не мог совершить. Причем данную позицию оставил в силе и Верховный Суд РФ.

II. Вторая по численности группа субъектов правонарушений — это религиозные объединения. В целом для религиозных объединений характерна свобода осуществления миссионерской деятельности в культовых зданиях, помещениях и иных местах, предусмотренных законодательством, для осуществления богослужений, религиозных обрядов и церемоний или для миссионерской деятельности. Однако любая деятельность вне указанных мест, вызывает серьезные проблемы с правоохранителями, из-за возможности привлечения к ответственности за пределами культовых зданий.

Приведем несколько типичных дел в качестве примера.

Религиозную группу признали виновной из-за того, что ее богослужения могли посещать посторонние люди

Дело № 12-78/2017 от 09.08.2017[53], г. Снежинск Челябинской области.

Уполномоченный ОМВД РФ провел несанкционированную съемку богослужения, на котором присутствовало около 20 человек.

Поскольку указанное собрание было проведено группой людей в целях совместного исповедания и распространения веры, то эта группа людей является религиозной группой в соответствии со ст.6,7 ФЗ №, о чем анализ дан в постановлении мирового судьи. Во время богослужения вход на него был свободный, его беспрепятственно посетили сотрудники правоохранительных органов, его могли посетить как члены группы, так и любые граждане, их могли туда привести и члены группы, что, в частности, следует из пояснений ФИО8 Это же объективно подтверждается самой обстановкой богослужения: наличие специального места, которое предоставил ФИО10 по просьбе ФИО2 (т. е. Оленина И. В.), свободный вход. Т.е. деятельность этой группы была направлена на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников, осуществляемая публично.

В решении судьи по делу указывается, что любое религиозное собрание людей в целях совместного исповедания и распространения веры указывает на наличие признаков существования религиозной группы, которая обязана уведомлять о начале своей деятельности органы Министерства юстиции.

Также сделан вывод о наличии миссионерской деятельности на основании того, что служение могли посетить лица, не являющиеся участниками, членами и последователями религиозного объединения.

В данном случае привлекли к ответственности лишь из-за возможность посещения религиозных собраний не участниками группы.

В Ноябрьске, при осуществлении проведения детского лагеря для детей

---

[53] Решение Судьи Снежинского городского суда Челябинской области от 09.08.2017 г. № 12-78/2017 // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-snezhinskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-558652413/ (дата обращения 15.02.18)

прихожан церкви, привлекли к наказанию за незаконную миссионерскую деятельность из-за литературы религиозного назначения, лежащей на столе.

Дело №5-1051/2016[54] от 05.08.2016 г. г. Ноябрьск, Ямало-Ненецкий автономный округ.

21 июля 2016 года в ходе проведенной прокуратурой города Ноябрьск, проверки работы детского лагеря, организованного для детей прихожан церкви, помимо нарушений санитарных норм проведения лагеря, обнаружен стол с религиозной литературой.

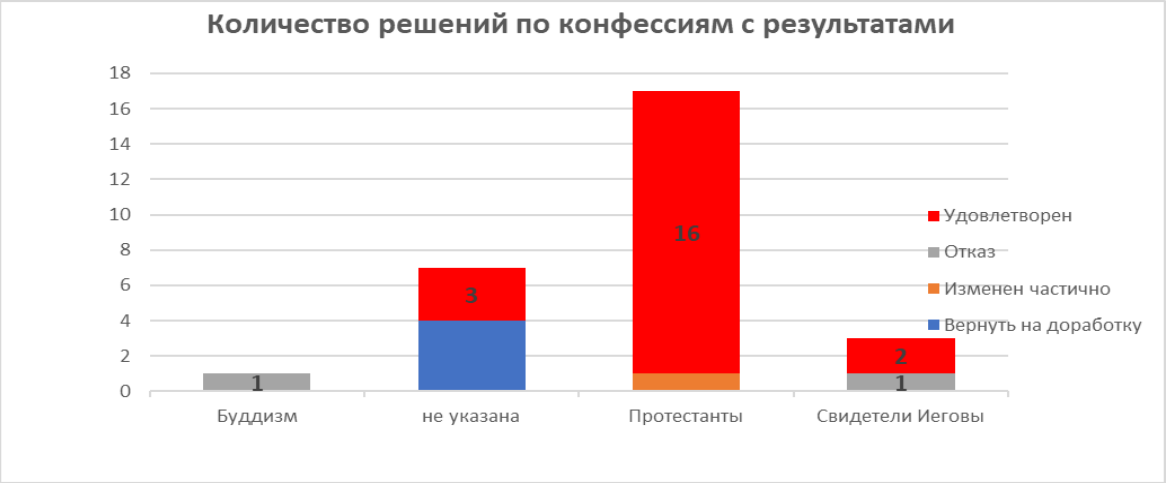
*В помещении лагеря для приема пищи детей распо*ложен стол, на котором размещена литература религиозного назначения, освещающая религиозное течение евангельских христиан-баптистов, доступ к литературе имеется у всех детей.

Основанием для привлечения к ответственности стал сам факт наличия литературы и свободный доступ к ней.

III. Третью группу, пожалуй одну из самых немногих, но резонансных категорий дел по ст. 5.26 КоАп РФ — это нарушения, совершенное иностранным гражданином или лицом без гражданства.

Всего, было рассмотрено 28 дел, причем в 21 случае решение выносилось не в пользу обвиняемого. Кроме того, нужно учесть, что в данном случае в качестве административного наказания активно применяется и административное выдворение за пределы Российской Федерации. наказания

[54] Постановление Мирового судьи судебного участка № 3 судебного района города окружного значения Ноябрьск Ямало-Ненецкого автономного округа от 05.08.2016 г. № 5-1051/2016 // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-5-g-noyabrsk-s/act-232626826/ (дата обращения 15.02.18)



Диспозиция пунктов 3 и 4 ст. 24.2 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» вызвала серьезные проблемы у иностранных граждан, которые до этого свободно исповедовали свои религиозные взгляды.

Рассмотрим в качестве примера несколько дел.

Прежде всего, наличие вида на жительство, по мнению суда, не дает оснований заниматься миссионерской деятельностью в Российской Федерации.

В частности, один из таких случаев произошел с христианами веры евангельской в Набережных Челнах. Церковь «Божья любовь» и ее священнослужитель были обвинены в осуществлении незаконной миссионерской деятельности. 20 декабря 2016 решением Набережночелнинского суда Республики Татарстан по делу № 5-1471/2016 священнослужитель М. В., гражданин Индии, имеющий вид на жительство в РФ, женатый на россиянке и имеющий малолетних детей, оштрафован на 30000 рублей и выдворяется из России[55]

Дело №5—1471/2016 от 20.12.2016, г. Набережные Челны

Гражданин Индии М. В., имеющий вид на жительство в Российской Федерации, в одном из нежилых помещений площадью 65,1 кв. м.,

[55] Д.Литвинов и Е.Шестаков «В Набережных Челнах гражданин Индии оштрафован по закону Яровой и должен быть выслан из России» // Режим доступа: URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2017/02/d36457/ (дата обращения 15.02.18)

находящегося в здании ДЦ «…», … осуществлял миссионерскую деятельность, направленную на распространение информации о вероучении Местной религиозной организации Церковь христиан веры евангельской «…» г. Набережные Челны, в том числе среди лиц, не являющихся участниками данного религиозного объединения.

При рассмотрении дела М. В. в присутствии переводчика Ж. Д. О. вину и обстоятельства, указанные в постановлении о возбуждении дела об административном правонарушении, не признал и суду показал, что миссионерской деятельностью он не занимался. Он действовал в рамках предоставленных ему полномочий на основании договора, заключенного между ним и местной религиозной организацией «Церковь христиан веры евангельской «…» г. Набережные Челны.

Никакие беседы с С. А. Р. он не вел, никакую информацию о вероучении не распространял. С. А.Р. он не знает и его для участия в слушаниях не приглашал. Никакие книги ему он не дарил и не передавал. С. А.Р. сам пришел на их собрание, при этом попросил продать ему книги, которые были у них на собрании. Он внес пожертвование, после чего ему передали соответствующую книгу. Он является законопослушным гражданином, уважающим законы Российской Федерации.

На основании каких фактов было принято это решение? По мнению суда, такими фактами явились аренда нежилого помещения в здании ДЦ «Форт Диалог» и информация о проводимых встречах (именно так называются богослужения) в социальной сети «ВКонтакте», где размещена страничка указанной церкви. Кроме того, как следует из материалов дела, на богослужении присутствовал некий С-в (не член церкви!), который бывал здесь не менее пяти раз, принимал участие во всех религиозных действиях и получил два печатных материала информационного содержания с указанием наименования религиозной организации. Именно передача информации не участнику, не члену или последователю местной религиозной организации стала основным аргументом в обвинении организации миссионерской

деятельности. Кроме того, священнослужитель не имел при себе документа, подтверждающего право на проведение миссионерской деятельности.

По данному делу следует отметить еще и следующее: нарушением является и само проведение суда в Набережных Челнах спустя всего лишь два часа (!!) после вынесения постановления об административном правонарушении. Таким образом, по мнению авторов, было нарушено право обвиняемых на получение квалифицированной юридической помощи, гарантированной ст. 48 Конституции РФ. Верховный суд Республики Татарстан счел решение Набережночелнинского суда обоснованным.

Еще в качестве одного примера приведем, пока единственное достигшее рассмотрения в Конституционном суде РФ (№416-О от 28.02.2017)[56] это дело баптиста О-е, привлеченного к ответственности за нарушение законодательства в сфере миссионерской деятельности выразившееся в том, что он долгое время проводил богослужения для небольшой группы верующих без надлежащего уведомления органов Юстиции о начале деятельности религиозной группы.

Как следует из представленных материалов, ... был привлечен к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 5 статьи 5.26 КоАП Российской Федерации (осуществление иностранным гражданином миссионерской деятельности с нарушением требований законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях), ему назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере сорока тысяч рублей.

И хотя данная ситуация уже достаточно привычная для иностранных

---

[56] Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина США Оссеваарде Дональда Джея на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 28.02.2017 N 416-О // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-zheleznodorozhnyj-rajonnyj-sud-g-orla-orlovskaya-oblast-s/act-533882647/ (дата обращения 15.02.18)

граждан, в Определении Конституционного Суда РФ есть один существенный момент:

С соблюдением указанного уведомительного порядка деятельности религиозных групп Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» связывает возникновение у религиозной группы права на осуществление миссионерской деятельности, под которой понимается деятельность религиозного объединения, направленная на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (членами, последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (членов, последователей) религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами публично, при помощи средств массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» либо другими законными способами (пункт 1 статьи 24.1).

Таким образом, фактически Конституционным Судом РФ узаконена обязательность уведомительного порядка деятельности религиозных групп, и согласно ей все религиозные группы, не уведомившие территориальные органы Министерства Юстиции РФ, являются незаконно действующими на территории Российской Федерации.

Подводя итог, приведем данные по количеству судебных решений в сфере нарушения порядка осуществления миссионерской деятельности:

Республика Башкортостан – 19 дел.

Свердловская область – 15 дел.

Забайкальский край – 14 дел

Орловская область – 11 дел

Республика Марий Эл – 9 дел.

Кемеровская область – 9 дел

Нижегородская область – 9 дел.

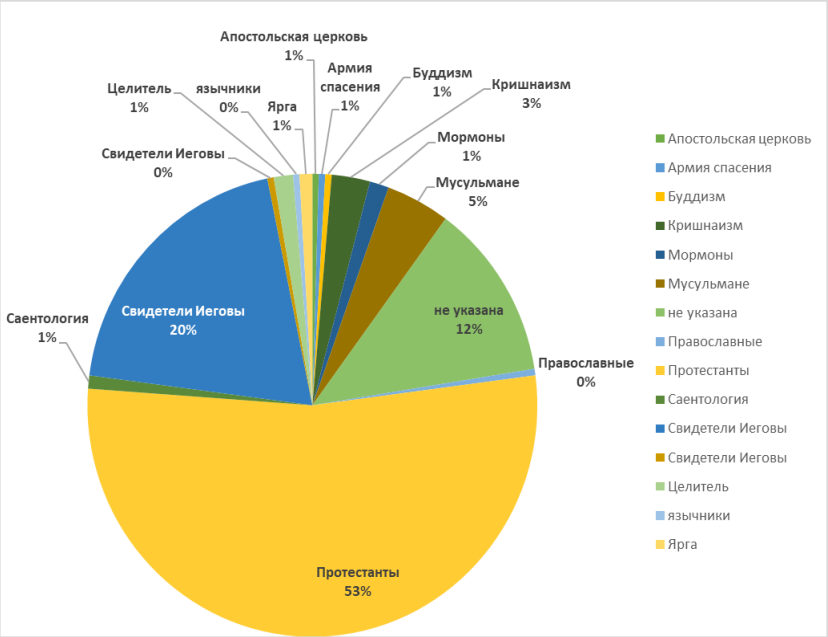
Ростовская область – 9 дел.

Республика Мордовия – 8 дел.

Краснодарский край – 7 дел.

Ямало-Ненецкий автономный округ – 7 дел.

Конфессиональный портрет нарушителей сложился следующим образом.



На основании этого можно сделать вполне очевидный вывод - миссионерская деятельность нуждается в регулировании.

Об этом свидетельствует как само количество рассмотренных дел - 218, так и количество обвинительных решений, которое неумолимо увеличивается.

Однако при более глубоком подходе можно увидеть всю бесполезность и вредность норм закона, регулирующих миссионерскую деятельность, и прежде всего необходимо отметить следующее.

В ходе исследования было установлено, что Суд, как правило, не выясняет, было ли это распространение личного религиозного опыта и общение на религиозные темы или деятельность с целью вовлечения в состав участников, членов или последователей религиозного объединения.

Религиоведческая экспертиза или привлечение религиоведов в качестве экспертов и специалистов, как правило, не осуществлялись.

В подавляющем большинстве случаев Судами принимается обвинительное решение. Все это указывает на тенденцию, определяющую миссионерскую деятельность как вредную и нежелательную на территории России. Таким образом можно констатировать факт, что силами судебной системы под видом борьбы с экстремизмом и нарушением порядка осуществления миссионерской деятельности ведется борьба с прозелитизмом и защищаются интересы титульной конфессии в РФ.

3.3. Позиция религиозных объединений в отношении закона миссионерстве.

В ходе оценки правоприменительной практики законодательства о миссионерской деятельности в результате бесед с протестантскими священнослужителями Тюменской области (юга Тюменской области), Ханты-Мансйском автономном округе - Югра, Ямало-Ненецком автономном округе, Краснодарском крае, Пермском крае, Томской области на проводимых Правовых семинарах, посвящённых проблематике миссионерского служения в свете последних изменений в законодательстве, было выявлено настороженное отношение к современной ситуации со свободой совести, свободой вероисповедания и свободой религиозных объединений, сложившееся после принятия так называемого «Пакета Яровой». Кроме того, протестантские служители разных регионов Российской Федерации на основе своего опыта общения с представителями органов власти сталкиваются с тезисом о том, что христианство в России может быть представлено только православными объединениями. Возможность существования иных форм христианства допускается лишь для иностранцев, проживающих в РФ, причем их вероисповедные права, должны быть существенно ограничены.

В российском обществе неоднократно выражалась тревога в связи с готовящимися поправками о миссионерской деятельности, которые содержались в различных законопроектах. На протяжении нескольких лет многие верующие граждане направляли ходатайственные обращения на имя Президента Российской Федерации, а также в Государственную Думу и в другие органы власти. В обращениях выражалась обеспокоенность тем, что эти «миссионерские» поправки грубо нарушают Конституцию РФ и могут привести к репрессиям в отношении мирных граждан. Верующие считают, что законодатели, которые разрабатывали и принимали данный законопроект, намеренно пренебрегли мнением значительной части российского общества; мнением компетентных специалистов; мнением верующих граждан, которых в наибольшей степени затронут новые поправки; и, наконец, мнением тех представителей власти, которые занимали позицию соблюдения конституционных прав граждан в вопросе свободы вероисповедания.

В среде не православных верующих преобладает мнение, что данная законодательная и правоприменительная практика создает условия для необоснованного репрессирования всех верующих, не принадлежащих к «традиционным» конфессиям.

Кроме того, объединения верующих, исторически не желающих регистрировать свои объединения с советских времен, находятся перед серьезной угрозой своему существованию, так как их деятельность прямо нарушает нормы закона о миссионерской деятельности. Подобная категория организаций появилась при советской власти как протест существующему режиму и ограничению прав верующих. Это был сознательный выбор верующих, которые не хотели связывать свою деятельность с властью-гонительницей веры, а также опасались вмешательства государства в церковные дела.

В принципе, данные опасения и сегодня косвенно подтверждаются высказываниями ряда официальных лиц, представляющих «традиционные»

конфессии.

Согласно РИА «Новости», представители трех «традиционных» конфессий, высказали, что они думают о «Миссионерских поправках» в рамках «Пакета Озерова-Яровой»[57]:

Глава юридической службы Русской Православной Церкви Московской патриархии игуменья Ксения (Чернега): *«Надеемся, что все эти нормы будут применяться в отношении нетрадиционных религиозных организаций сектантской направленности. Но если они будут применяться в отношении религиозных организаций Русской православной церкви, то, безусловно, мы будем ставить вопрос о корректировке этого законопроекта».*

Первый заместитель председателя Совета муфтиев России Рушана Аббясов: *«опять будут страдать сами религиозные организации, но не борьба с экстремизмом и терроризмом, как было заявлено»*.

Президент Федерации еврейских общин России раввин Александр Борода: *«Огромным минусом» законопроекта он считает то, что «законодатель не указал точного критерия разграничений религиозной и миссионерской деятельности, поэтому закон можно "извращать", как захочется, и могут применяться, соответственно, формулировки выгодные в конкретной ситуации»*, а предлагаемые поправки *«весьма существенно меняют ситуацию в работе религиозных структур, в том числе и традиционных для России, причем, очевидно, в худшую сторону»*

В целом современная практика правового регулирования вызывает серьезные опасения и недоверие со стороны всего религиозного сообщества.

Современная ситуация с миссионерской деятельностью напоминает деятельность советской правовой системы и вполне может вынудить скрывать свою деятельность законопослушным объединениям.

---

[57] Религиозные деятели РФ опасаются законодательного ограничения деятельности // РИА Новости. 2016. 23 июня. Режим доступа: URL: http://www.sova-center.ru/religion/discussions/law/2016/06/d34871/?print=1 (дата обращения 15.02.18)

Можно отметить тот факт, что ещё до принятия данных антимиссионерских поправок в российском обществе и в религиозной среде неоднократно выражалась тревога в связи с готовящимися поправками о миссионерской деятельности. Высказывалось опасение, что эти «миссионерские» поправки грубо нарушают Конституцию РФ и могут привести к репрессиям в отношении мирных граждан. Данные опасения в ходе применения данного законодательства в целом подтвердила обоснованность данных опасений. В целом принятая в середине лета 2016 года, законодательная и правоприменительная практика создает условия для необоснованного репрессирования всех верующих, не принадлежащих к «традиционным» конфессиям. И хотя подчеркивается обоснованность и необходимость принятия законодательства, регулирующего религиозную деятельность, но это должно проводиться без поспешности и при самом широком экспертном и общественном обсуждении.

Рассматривая правоприменительную практику применения законодательства о миссионерской деятельности, не сложно сделать следующий вывод, основанный как на примерах административного регулирования, так и на примере судебных решений, что наблюдается переход к новой парадигме государственно-конфессиональных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной научно-исследовательской работе были рассмотрены особенности Правоприменительной практики законодательства о миссионерской деятельности.

В ходе работы был дан обзор истории законодательного регулирования миссионерской деятельности в Российской империи, в Советский период и в Российской Федерации. Было проанализировано современное состояние законодательства о миссионерской деятельности.

Рассмотрены пробелы в существующем законодательстве и проекты корректировки указанного законодательства. На основании решений как внесудебных, административных органов, так и судебных инстанций, учитывая отношение представителей религиозных объединений, был сделан вывод, что изменение правоприменительной практики является показателем перехода к новой парадигме государственно-конфессиональных отношений.

Было выделено, что основными и источниками правового регулирования миссионерской деятельности является действующее законодательство Российской Федерации. Обращено внимание на недостатки и пути корректировки данного законодательства.

В ходе работы над данной работой были раскрыты понятия, признаки и источники миссионерской деятельности, ее развитие в различные исторические периоды. Изучена нормативно-правовая база и правоприменительная практика осуществления миссионерской деятельности. Также при написании данной работы особое внимание уделено изучению работ ученых-правоведов, посвященных изучению области государственно-конфессиональных отношений.

В процессе написания данная работа была разделена автором на три главы, что обусловлено поставленной целью и способствовало реализации поставленных задач.

В первой главе «История законодательного регулирования миссионерской деятельности» было отмечено, что в настоящее время в России происходит переосмысление исторического опыта, который включает практическое применение и проблемы правового регулирования государственно-конфессиональных отношений и миссионерской деятельности в России, так как обращение к прошлому позволяет определить степень подготовленности государства и всего общества к осуществлению различного рода преобразований в государственной и общественной жизни.

В период Российской империи это было обусловлено тем, что Православная Церковь рассматривалась как носительница единственно истинного христианского вероучения, поддержание которого является долгом государства. В силу этого Православная Церковь занимала особое положение в государстве и выполняла весьма значимые социальные функции. Все остальные верования и религии воспринимались в качестве заблуждений, к которым государство, в зависимости от их свойств и поведения их последователей, может выражать определенную терпимость или не терпимость. Ни о каком содействии в обращение в иную, отличную от истинной веры, не предполагалось, поэтому любая миссионерская деятельность других религий и верований не допускалась. В соответствии с этим выстраивалась и система государственной власти, ведавшей делами Православной Церкви и других религий. Было установлено, что формирование законодательной и правоприменительной практики было обусловлено ярко выраженным религиозным характером, закрепленным в известной формуле: «православие, самодержавие, народность». Охранительные тенденции выражались в дозволении неправославным исповеданиям и религиям определенной свободы отправления культа и религиозного обучения своих последователей при категорическом запрещении в пределах Империи любой другой религиозной пропаганды и миссионерской деятельности, кроме православной. Тем не менее, было отмечено, что по мере роста иноверческого населения Российской империи и

с возросшим революционным движением, вероисповедальная политика государства начала изменяться. Пусть косвенно, но снимался запрет в отношении миссионерской деятельности не православным исповеданиям. Российская империя в начале XX века окончательно становится многоконфессиональным государством. Законодательно утверждаются права на свободу совести и свободу вероисповедания. Постепенно, пусть и косвенно, снимается запрет в отношении миссионерской деятельности для всех религий и религиозных объединений.

Становление советской власти после Октябрьской революции 1917 г. характеризуется сломом всего государственного аппарата Российской империи. Изменения коснулись всех аспектов государственно-конфессиональных отношений, в том числе и распространения веры. Религиозная идеология никак не вписывалась в идею коммунистического строительства в новом государстве. Особое неприятие религии, а точнее Православной Церкви, было вызвано еще и тем, что Церковь воспринималась как часть старого имперского аппарата власти, подлежащего разрушению. Тем не менее Конституция РСФСР 1918 г. пусть декларативно, но провозглашала полную свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды. Однако было отмечено, что отношения с религией и распространение религиозных взглядов строились с позиций воинствующего атеизма. Религия объявлялась вредным пережитком прошлого и подлежала искоренению. Учитывая религиозные настроения, масс партийно-государственное руководство осуществляло разложение религии изнутри с помощью всего партийно-государственного аппарата. Государство советского периода избрало сегрегационный путь по отношению к религии. Любое ее участие в жизни общества подлежало максимальному ограничению и искоренению.

Говоря о законодательном регулировании миссионерской деятельности в Советский период можно охарактеризовать следующим образом: от краткой свободы к полному запрету. Все это не могло не привести к вынужденным нарушениям закона, его неприятию и формирование в

религиозно-ориентированной среде негативного отношению к государству.

Позднесоветский период и во время становления новой демократической, идеологически не ориентированной государственной Российской власти привел к решительной отмене всех ограничений религиозной свободы и в том числе миссионерской деятельности. Полное отсутствие какого-либо законодательного регулирования миссионерской деятельности не мог не вызвать напряжения в обществе.

Учитывая все вышеизложенное, можно констатировать факт, что через призму законодательного регулирования миссионерской деятельности в Российской Федерации можно наблюдать переход от сегрегационного типа государственно-конфессиональных отношений советского периода к кооперационной модели, предполагающей социальное партнёрство между государством и религией, при которой государство по-разному выстраивает отношения с различными религиями и религиозными объединениями.

Во второй главе мы рассмотрели Современное состояние законодательства о миссионерской деятельности.

Был исследован опыт становления и развития законодательства, регулирующего миссионерскую деятельность в Российской Федерации. Отмечено, что первоначальная модель государственно-конфессиональных отношений, при которых в силу Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» от 25 октября 1990 г. давалась полная религиозная свобода, при недопустимости учреждаться любых исполнительных и распорядительных органов государственной власти и государственных должностей, специально предназначенных для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповедания, не смогла существовать достаточно долго. В связи с тем, что абсолютная свобода любой религиозной деятельности, при отсутствии какого-либо контроля и надзора приводит к напряжениям не только между религиями и конфессиями, но и в самом обществе, вполне закономерно на смену данному этапу взаимоотношений государства и религии, пришел следующий этап

кооперационной модели, предполагающей социальное партнёрство между государством и религией.

Кроме того, в целом подтверждается ранее сделанный вывод, что государство взяло курс на регламентирование и ограничение религиозной, прежде всего миссионерской, деятельности.

Принятие в 1997 году ФЗ №125 положило начало процессу регулирования со стороны государства религиозной деятельности. Однако, процессы регулирования, в том числе и законодательными мерами, характеризуются двойственными, размытыми формулировками, пробелами в законодательстве. Все это стало заметным на примере последних «антимиссионерских» поправок, внесенных в законодательство о свободе совести, свободе вероисповедания и свободе религиозных объединений так называемым «Пакетом Озерова-Яровой». Количество пробелов, неточностей, то и просто лакун создает все большую напряженность в обществе. Можно констатировать, что до сих пор единая правоприменительная практика не выработана. На наш взгляд давно назрел вопрос о кодификации законодательства о религиозных объединениях, которое будет учитывать все аспекты деятельности, в том числе и регулирование миссионерства.

В ходе исследовательской работы рассматривались и проекты корректировки законодательства, регулирующего миссионерскую деятельность. Отмечено, что корректировка данного законодательства с учетом правоприменительной практики и широкого обсуждения с учетом мнения экспертов-религиоведов и юристов при участии представителей всего религиозного сообщества, крайне необходима.

В третьей главе нами рассмотрена правоприменительная практика как показатель перехода к новой парадигме государственно-конфессиональных отношений.

Установлено, что правоприменительная практика о миссионерской деятельности характерна своей необработанностью, пробельностью регулирующего ее законодательства при двойственности, и расплывчатость

многих его формулировок.

Также в ходе исследования было установлено, что попытка борьбы с экстремизмом через ужесточение условий осуществления миссионерской деятельности бесполезна. Так как из всех рассмотренных судами дел ни одно не имеет отношения к экстремистской деятельности. Таким образом, не установлено и не привлечено ни одного экстремиста или террориста, не закрыта ни одна религиозная организация экстремистского толка, не пресечена деятельность ни одной деструктивной организации, запрещенной на территории Российской Федерации.

Напротив, пострадавшими от миссионерского законодательства оказались давно известные религиозные объединения, представленные в Российской Федерации в меньшинстве. В связи с этим практика правового регулирования вызывает серьезные опасения и недоверие со стороны всего религиозного сообщества.

В результате данного правового регулирования развивается тенденция воспринимать миссионерскую деятельность как вредную и нежелательную на территории России.

Таким образом, можно констатировать факт, что под видом борьбы с экстремизмом и нарушением порядка осуществления миссионерской деятельности, ведется борьба с прозелитизмом и защищаются интересы титульной конфессии в РФ.

В целом история развития законодательства, регулирующего государственно-конфессиональные отношения, в том числе и миссионерскую деятельность, развивалась от терпимости к запрету, от запрета к свободе, от свободы к корпоративному партнёрству, исключающему конфессиональные меньшинства. Эта модель осуществляется во многом благодаря существующим лакунам в законодательстве, позволяющая органам исполнительной и судебной власти предвзято относиться к не включённых в модель корпоративного партнёрства религиозным объединениям.

Данная модель ведёт к тому, что значительное число законопослушных

граждан России, принадлежащих не к так называемым «традиционным» религиям оказываются в ситуации постоянного административного давления и наказаний, трансформирующих их гражданские устремления принесения пользы «в общее дело ради общего блага» в принцип выживания в условиях агрессивной внешней среды.

В ходе настоящего исследования подтверждается выдвинутая гипотеза о том, что изменилась сама парадигма федерального законодательства в области свободы совести и свободы религиозных объединений, в том числе и в области миссионерской деятельности.

Современная ситуация с миссионерской деятельностью напоминает деятельность правовой системы советского периода или периода Российской империи данная тенденция может вынудить скрывать свою деятельность вполне законопослушных религиозных объединений и граждан, что вряд ли будет способствовать установлению гражданского мира и согласия.

С целью исправления складывающейся ситуации предлагается:

1. Провести широкое обсуждение сложившейся практики применения Законодательства о миссионерской деятельности, в частности, и государственно-конфессиональных отношений с привлечением представителей всех религиозных объединений, представленных в Российской Федерации, специалистов, юристов и правоведов в области государственно-конфессиональных отношений,

2. Провести корректировку законодательства о свободе совести, свободе вероисповеданий и свободе религиозных объединений с учетом прямого и непосредственного действия Конституции РФ

В заключение следует отметить, что исследование темы настоящей работы имеет следующие перспективы изучения.

Во-первых, данные изменения законодательства и правоприменительной практики в силу своей новизны и противоречивости законодательных формулировок требует дополнительного и всестороннего изучения.

Во-вторых, дополнительного изучения требует эволюция становления и развития миссионерской деятельности в период ограничения или запрета данной деятельности.

Во-третьих, в дополнительном и комплексном исследовании нуждается определение места миссионерской деятельности в вероучении и практике религиозных объединений.

В связи с тем, что миссионерская деятельность является важнейшей составляющей деятельностью религиозных объединений и является одним из базовых определений одной из важнейших конституционных свобод - свободы совести и свободы вероисповеданий, а также ввиду незавершенности регулирования в данной сфере, особую значимость приобретает дальнейшее развитие положений о правовом регулировании миссионерской деятельности, что является одним из наиболее значимых показателей государственно-конфессиональных отношений, быстрое развитие и совершенствование которых будет способствовать созданию адекватного правового регулирования отношений в столь важной сфере жизни российского общества.

Шестаков Евгений Николаевич _____

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
2. Гражданский кодекс РФ ч.1 от 30.11.1994г. №51-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // СЗ РФ 1994. №32. Ст.3301
1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001г. №195-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч.1). Ст.1.
2. "Жилищный кодекс Российской Федерации" от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // СЗ РФ, 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 14
3. Федеральный Закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности" от 06.07.2016г. №374-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4558.
4. Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях» от 29.09.1997г. № 125-ФЗ (ред. от 05.02.2018г.) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.
5. Приказ Министерства Юстиции РФ "Об утверждении Порядка регистрации, открытия и закрытия в РФ представительств иностранных религиозных организаций" от 3.03.2009 г. № 62 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 13.
6. Приказ Министерства Юстиции РФ "Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством

юстиции Российской Федерации государственной услуги по принятию решения о регистрации представительств иностранных религиозных организаций и внесении сведений о филиалах и представительствах международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций в реестр филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций" от 28.06.2012г. № 122 // Российская газета. 2012. 31 августа.

7. Доклад "Об осуществлении Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) в сфере деятельности некоммерческих организаций и об эффективности такого контроля (надзора)" 2013 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minjust.ru/ru/node/4851 (дата обращения 15.02.18)

Нормативно-правовые акты, утратившие силу:

8. Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским Съездом Советов. 10.07.2018 г. // СУ РСФСР, 1918, №51, ст. 582.
9. «Декларация прав народов России» // Дебитор — Евкалипт. — М.: Советская энциклопедия, 1972. — (Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров; 1969—1978, т. 8)
10. Закон РСФСР "О свободе вероисповеданий" от 25.10.1990 № 267-1 (ред. от 27.01.1995) // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 1990, N 21, ст. 240
11. Именной Высочайший Указ, данный Сенату, «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. // полное собрание законов российской империи. собрание третье. 1905. — СПб, 1907, т. 25, (№ 26126).
12. Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 12, №13996
13. Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 1, а. 1, ст. 62.
14. Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 1, а. 1, ст. 63.
15. Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 1, а. 1, ст. 64.

16. Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 1, а. 1, ст. 65.
17. Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 12, №13996
18. Свод законов Российской империи, Спб,, 1912, т. 21, №15708
19. Манифест Екатерины II «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах» от 22 июля 1763 г.

Судебная практика:

20. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина США Оссеваарде Дональда Джея на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 7 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 28.02.2017 N 416-О // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-zheleznodorozhnyj-rajonnyj-sud-g-orla-orlovskaya-oblast-s/act-533882647/ (дата обращения 15.02.18)
21. Постановление Мирового судьи судебного участка № 3 судебного района города окружного значения Ноябрьск Ямало-Ненецкого автономного округа от 05.08.2016 г. № 5-1051/2016 // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-5-g-noyabrsk-s/act-232626826/ (дата обращения 15.02.18)
22. Постановление Мировой судья судебного участка № 31 Самарского судебного района г. Самары Самарской области от 06.02.2017 г. по делу № 5-46/2017 // Режим доступа: URL: http://sudact.ru/magistrate/doc/bFwxfNxHVe63/?page=7&magistrate-case_doc=&magistrate-doc_type=&magistrate-date_from=06.07.2016&magistrate-area=&magistrate-judge=&magistrate-date_to=06.10.2017&magistrate-txt=&magistrate-lawchunkinfo=%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F+5.26.+%D0%9D%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%

D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0+%D0%BE+%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B5+%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%2C+%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%B5+%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F+%D0%B8+%D0%BE+%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D1%85%28%D0%9A%D0%9E%D0%90%D0%9F%29&magistrate-court=&_=1507285298509 (дата обращения 15.02.18)

23. Постановление Мирового судьи судебного участка № 113 Абинского района Краснодарского края от 14.03. 2017 г. по делу № 5-85/2017 // Режим доступа: URL: http://sudact.ru/magistrate/doc/6CRBGst8XVX/?page=2&magistrate-case_doc=5-85%2F2017&magistrate-doc_type=&magistrate-date_from=01.03.2017&magistrate-area=3018&magistrate-judge=&magistrate-date_to=31.03.2017&magistrate-txt=&magistrate-lawchunkinfo=&magistrate-court=&_=1508394880385 (дата обращения 15.02.18)

24. Постановление Мирового судьи судебного участка №48 Почепского района Брянской области от 25.04.2017 г. по делу № 5-311/2017 // // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-mirovoj-sudya-sudebnogo-uchastka-48-pochepskogo-rajona-bryanskoj-oblasti-s/act-238447143/ (дата обращения 15.02.18)

25. Апелляционное решение Судьи Ромодановского районного суда Республики Мордовия от 22.05.2017 г. по делу № 12-10/2017 // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-romodanovskij-rajonnyj-sud-respublika-mordoviya-s/act-556785901/ (дата обращения 15.02.18)

26. Решение Судьи Снежинского городского суда Челябинской области от 09.08.2017 г. № 12-78/2017 // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-snezhinskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-558652413/ (дата обращения 15.02.18)
27. Апелляционное решение Судьи Шахунского районного суда Нижегородской области от 14.08.2017 г. по делу № 12-139/2017 // Режим доступа: URL: https://rospravosudie.com/court-shaxunskij-rajonnyj-sud-nizhegorodskaya-oblast-s/act-558753786/ (дата обращения 15.02.18)

Специальная литература:

28. Адамия Л.Э., Шестаков Е.Н., Яншин И.В. Миссионерская деятельность в России: Судебная практика // Издательские решения, 2017. – 92 с.
29. Адамия Л.Э., Шестаков Е.Н., Яншин И.В. Теория и практика осуществления миссионерской деятельности: Методическое пособие // Издательские решения, 2017. – 68 с.
30. Андреев К. «Антимиссионерский» закон подлежит отмене как антиконституционный // Режим доступа: URL: http://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/06/d34892/?print=1 (дата обращения 15.02.18)
31. Антимиссионерский закон": история лоббирования // Режим доступа: URL: http://religiopolis.org/publications/10809-istoriya-lobbirovaniya-antimissionerskogo-zakona.html (дата обращения 15.02.18)
32. В РПЦ считают корректировку «пакета Яровой» преждевременной. // Режим доступа: URL: http://tass.ru/obschestvo/3636671 (дата обращения 15.02.18)
33. Вероисповедная политика Российского государства / Отв. ред. М. О. Шахов. М., 2003. С. – 207 с.
34. Государства и религии в Европейском Союзе / Под ред. Герхард Робертс. М.: Учреждение РАН Институт Европы РАН, 2009. – 719 с.

35. Ерофеев К.Б., Рыжков Ю.Б. Религия и общество в современной России: социокультурные и правовые аспекты / СПб.: Издательство «Древо жизни». 2009. – 92 с.
36. Красная Армия всех сильней // композитор С.Я. Покрасс и поэт П.Г. Горинштейн
37. Клюева В.П., Шестаков Е. Н. (Анти)миссионерское региональное законотворчество. // **[Электронный ресурс]. – Режим доступа:** URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2016/07/d34968/?print=1 (дата обращения 15.02.18)
38. Клюева В.П., Шестаков Е. Н. (Анти)миссионерское региональное законотворчество.// URL: https://www.sova center.ru/religion/publications/2016/07/d34968/?print=1
39. Курляндский И. А. Фальсификация документов по истории церковно-государственных отношений в 1930-е годы // Научный православный взгляд на ложные исторические учения: сб. конф. М., 2011. С. 424.
40. Кулиев Ф. М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 15 (54). С.14—24.
41. Королев В. И. Правовой статус религиозных организаций и перспективы развития законодательства Российской Федерации о религиозных объединениях // Актуальные проблемы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с религиозными организациями и вопросы противодействия религиозному экстремизму: Материалы семинара. Тюмень, 2004.
42. Кулиев Ф. М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 15 (54). С.14—24.

43. Литвинов Д. и Шестаков Е. «В Набережных Челнах гражданин Индии оштрафован по закону Яровой и должен быть выслан из России» //

Режим доступа: URL: https://www.sova-center.ru/religion/publications/2017/02/d36457/ (дата обращения 15.02.18)

44. Лункин Р.Н., Загребина И. В. Религия и право в современной России (монография) / НП «Гильдия экспертов по религии и праву»; под ред. Лункина Р.Н. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017. – с 256 с.
45. Маранов Р.В. Практика Европейского суда по правам человека по делам о свободе совести / М.: НП «Славянский правовой центр», 2009. – 384 с.
46. Ответа Администрации Президента РФ от 12 июля 2016 г. №А26-01-А72881592 Шестакову Е. Н. // Архив автора
47. Об отношении рабочей партии к религии (13 (26) мая 1909 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — М.: Издательство политической литературы, 1964—1981. — Т. 17. — С. 418.
48. Одинцов М. И. Двадцатый век в российской истории: государство и религиозные организации // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе. Материалы международной конференции. М., 2000. С. 45.
49. Осьмакова О.Н. К вопросу о правовом регулировании миссионерской деятельности Русской православной церкви //23.11.2015 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://отрасли-права.рф/article/14009 (дата обращения 15.02.18)
50. Письмо Председателя Правления Централизованной религиозной организации «Союз Миссий Христиан Веры Евангельской» от 09.07.16г. №1/090716 Президенту российской Федерации. //архив автора
51. Придворов Н.А., Тихонова Е.В. Институт свободы совести и свободы вероисповеданий в праве современной России / М.: ИД «Юриспруденция». 2007. - 128 с.

52. Пчелинцев А. В., Загребина И. В. Миссионерская деятельность: как не стать жертвой «Закона Яровой»: Советы от Адвокатов // М.: «Живая жизнь», 2016. – 198 с.
53. Пчелинцев А. В. Конституционное право граждан на свободу вероисповедания и проблемы его реализации в Российской Федерации // Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести) / Под ред. Торе Линдхольма, Кола Дурэма и Бахии Тахзиб-Ли. М.: НИЧУ "Институт религии и права", 2010.
54. Протестанты в России и Татарстане: история и современность: коллективная монография / под ред. Погасий А.К. – Йошкар-Ола: МРИПП. 2016. – 280 с.
55. Погасий А.К. Религиозное правоведение: Учебник / Казань: ИД МеДДоК, 2015. – 308 с.
56. Религиозные деятели РФ опасаются законодательного ограничения деятельности // РИА Новости. 2016. 23 июня. Режим доступа: URL: http://www.sova-center.ru/religion/discussions/law/2016/06/d34871/?print=1 (дата обращения 15.02.18)
57. Российское законодательство о свободе совести в 80-90-х гг. XX в.: теоретические споры, реформирование правовых основ, практическая реализация законодательных актов / под ред. Одинцева М.И. – М.: 1999. – 192 с.
58. Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести) / Под ред. Торе Линдхольма, Кола Дурэма и Бахии Тахзиб-Ли. М.: НИЧУ "Институт религии и права", 2010.
59. Султанов А.Р. О свободе совести и отношении к ней в российских судах // Религия и право. 2008. № 1.
60. Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия / Челябинск. 2004. – 217 с.

61. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – 2-е изд., доп. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – 528 с.
62. Якименко Б.Г. Практическая миссиология / М.: Изд-во Школа великих книг. 2016.- 284 с.

Неформальные интервью.

63. Неформальное интервью с Я. К. - представителем религиозной организации христиан веры евангельской г. Нижневартовска. Нижневартовск, 26.10.2017 // Архив автора.
64. Неформальное интервью с И. Р. - ответственным за проведение Богослужений религиозной организации христиан веры евангельской г. Пскова. Псков, 01.03.2018 г. // Архив автора
65. Неформальное интервью Р. И. - руководителем и священнослужителем религиозной организации христиан веры евангельской г. Уварово. Уварово, 15.01.2018 г. // Архив автора
66. Неформальное интервью с С. И. - руководителем и священнослужителем религиозной организации христиан веры евангельской с. Ильинка. Ильинка, 29.01.2018 г. // Архив автора

Сокращения, используемые в работе

г. – год

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

НКО – некоммерческая организация

П. – пункт

РО – религиозная организация

РФ – Российская Федерация

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

Ст. – статья

ФСБ России- Федеральная Служба безопасности Российской Федерации

МВД России – Министерство Внутренних Дел Российской Федерации

ОМВД РФ – Отдел Министерств Внутренних Дел Российской Федерации

ФЗ – Федеральный закон

ФЗ №125 - ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»

КоАП РФ - "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях"

ФЗ № 374 - Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»

Ч. – часть

РИА «Новости» - Российское Информационное Агентство «Новости»

РКП – Российская коммунистическая партия

ВЧК – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия

СНК – Совет Народных Комиссаров

ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

ХВЕП – христиане веры евангельской - пятидесятники

ХВЕ - христиане веры евангельской